Бухарин

Программный вопрос на VI конгрессе Комм. Интернац.

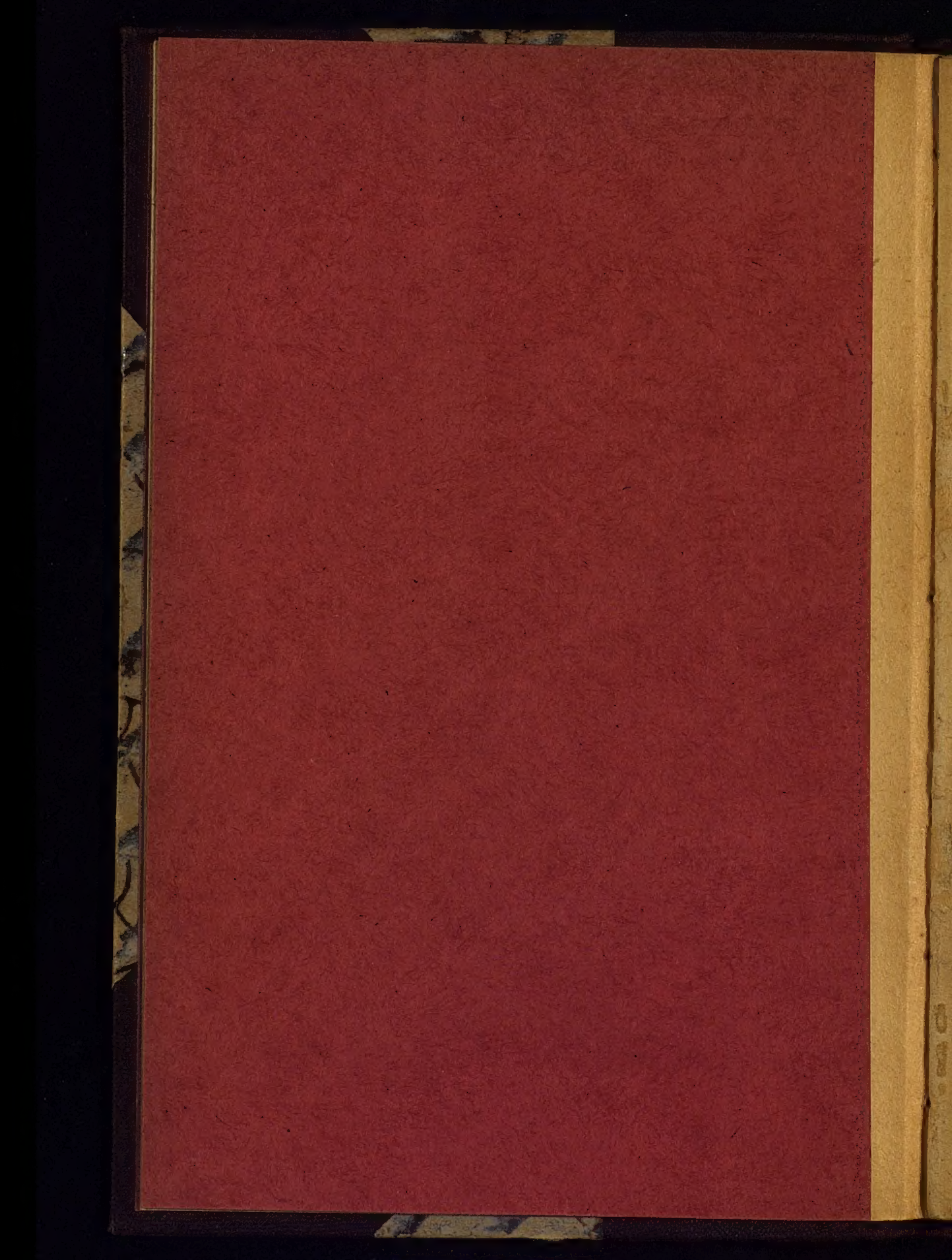

Н. И. БУХАРИН

ПРОГРАММНЫЙ ВОПРОС НА VI КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

Н. И. БУХАРИН

ПРОГРАММНЫЙ ВОПРОС НА VI КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ДОКЛАД
И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗА.
Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-20037. А. 11.
Гиз № 28557. Зак. № 2870
Тир. 150 000 экз.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ.

Программа Коминтерна есть программа мировой диктатуры пролетариата.

Коснусь, прежде всего, некоторых специфических особенностей проекта программы.

Наша программа, это — не программа-минимум пролетарской партии. Основным стержнем предложенного конгрессу проекта программы, одухотворяющим его началом является идея диктатуры пролетариата. Наша программа есть программа диктатуры пролетариата.

Но это не только программа диктатуры пролетариата, это программа мировой диктатуры пролетариата.

Впервые в истории столь крупная и мощная мировая организация революционного пролетариата, как наша, пытается выдвинуть свою программу. Правда, и раньше имелись попытки программно обосновать диктатуру пролетариата. Но сейчас мы делаем первую попытку конкретной формулировки задачи по установлению диктатуры пролетариата в международном масштабе. Наша программа не есть программа одной секции, одной части революционного пролетариата, это — программа Коммунистического Интернационала, т. е. программа мирового пролетариата. Наша программа составляется и разрабатывается в совершенно особую эпоху, когда проблема диктатуры пролетариата, проблема революции, проблема завоевания власти и пр. носит уже не академический, а актуальный характер, когда эти проблемы вплотную и остро встают перед нами, как задачи наших дней, нашей эпохи, нашего времени. Рожденная в эпоху

войн и революций, когда на одной шестой части земного шара уже существует диктатура пролетариата, наша программа есть боевой документ эпохи, документ, намечающий путь непосредственно идущей революционной борьбы пролетариата за его мировую диктатуру.

Историческое место, своеобразие и форма программы Коминтерна.

Эти черты придают нашей программе совершенно своеобразный характер. Сопоставляя нашу программу с программами партий II Интернационала, мы видим, что между ними залегла огромная пропасть. Программы партий II Интернационала, это — только лишь национальные программы партий, присоединившихся ко II Интернационалу. Весьма сомнительно, чтобы II Интернационал был в состоянии выработать свою международную программу. Возможность этого не исключена, но партиям II Интернационала выполнить это очень трудно, ибо различия между партиями II Интернационала чрезвычайно велики. Политическая и, в особенности, внешне-политическая линия социал-демократических партий настолько соответствует линии их «отечественной» буржуазии, что разногласия между этими партиями в основном отражают противоречия между буржуазией различных стран, и это сказывается в критические моменты жизни буржуазного общества: стоит только вспомнить рурскую оккупацию и позицию различных социал-демократических партий в этом вопросе.

Анализируя программы партий II Интернационала, например, проект английской рабочей партии, программу австрийской социал-демократической партии, программу германской социал-демократии, принятую в Гейдельберге, мы убеждаемся в том, что это не только не программы диктатуры пролетариата (этого никто из нас в них не ищет), но программы строительства капиталистического общества, программы строительства капиталистического государства. С этими партиями у нас нет и не может быть общего языка.

К совершенно **иным** выводам приходим мы, сопоставляя нашу программу с более ранними документами революционного марксизма. Однако, сравнивая наш проект с этими самыми яркими документами рабочего движения, с самыми выдающимися произведениями революционного марксизма, мы видим, что наша программа отличается и от них рядом специфических особенностей.

Эти специфические черты обусловлены потребностями нашего времени, потребностями, отсутствовавшими раньше. Самые выдающиеся программные документы революционного марксизма, принадлежащие перу самого Маркса, как «учредительный адрес» I Интернационала и, в особенности, «Коммунистический Манифест», являются путеводной нитью для целой эпохи в истории человечества. Основные принципиальные положения «Коммунистического Манифеста» сохраняют свою силу и в наши дни. «Коммунистический Манифест» это — подлинно революционная программа международного пролетариата. Именно этими свойствами «Коммунистического Манифеста» об'ясняется тот факт, что современная переродившаяся социал-демократия так энергично борется с принципами «Коммунистического Манифеста»: порою открыто, порою замаскированно, но она ведет эту борьбу по всему фронту. Анализируя несколько подробнее эти документы и, в первую очередь «Коммунистический Манифест» — это, своего рода, «евангелие» «четвертого сословия», мы видим, что программные положения даны в них в алгебраической форме. Более конкретной расшифровки, той конкретизации этих положений, которой требует наша эпоха, — этого мы в «Коммунистическом Манифесте» не найдем и не можем найти. Коммунистическое движение носило в ту пору преимущественно **пропагандистский** характер. Коммунизм поднял уже свое знамя, но за ним еще не было мировой армии пролетариата.

От этого момента нас отделяет очень длинный исторический период. После гибели I Интернационала наступила новая полоса в развитии рабочего движения.

За это время родился II Интернационал, сложились крупные социал-демократические партии. В процессе развития капитализма и европейского и американского эти партии «обуржуазились», идеологически переродились. В огне мировой войны произошло крушение II Интернационала, народились коммунистические партии, которые организованно сложились и оформились в Коммунистический Интернационал. Последовал возврат к революционному марксизму, но возврат на *новой основе*, на основе *нового опыта*, на основе *новых запросов* времени. Теперь мы уже не только пропагандисты коммунизма. Коммунистический Интернационал, несомненно, пропагандирует революционный марксизм, но эта весьма крупная, мощная организация есть *активно действующая организация*. Эта организация опирается на диктатуру пролетариата в бывшей царской России, на многочисленные когорты борющегося пролетариата в других странах; она уже проникла во все части света, она возглавляет грандиозную борьбу на азиатском материке — в Китае, она представляет собою такую силу, что организованной мировой буржуазии приходится яростно обороняться от коммунистической опасности. Мы уже не только пропагандистское общество, но и первоклассный фактор в борьбе мирового пролетариата, первоклассный фактор мировой политики вообще. Поэтому вполне понятно, что разные проблемы стоят перед нами уже не в общей, а в конкретной форме, и что ответы на запросы наших партий тоже должны быть конкретными. Этими характерными особенностями эпохи об'ясняются и специфические черты нашей программы, своеобразная форма нашего проекта программы. В дискуссии, развернувшейся в печати, некоторые товарищи сетовали на то, что программа-де слишком длинна, что она написана, мол, слишком сухо, не отвечает «понятию» программы и не достигает поэтому вполне своей цели. Некоторые товарищи пытались это обосновать ссылками на *Энгельса*, настаивавшего на необходимости краткой и точной (kurz und präzis) формулировки программы. Они указывали, что наш проект представляет собой скорее *комментарий*

к программе, материал по программному вопросу, чем самое программу. Однако, во всей дискуссии в печати и здесь на конгрессе чуть ли не все конкретные предложения сводились к тому, что в результате их принятия программа не только не укорачивается, а наоборот, удлиняется.

Полагаю, что вышеуказанная аргументация грешит ошибкой методологического свойства. Те товарищи, которые критикуют нашу программу, руководствуются не запросами и требованиями нашей эпохи, а лучшими образцами программы в прошлом. Такая постановка вопроса страдает явной односторонностью. Разумеется, можно составить программу гораздо более краткую, содержащую в себе в алгебраической форме отвлеченный анализ капитализма, диктатуры пролетариата, переходного периода, коммунизма и пр. Но не это требуется в данное время для наших партий.

У нас имеются партии в Южной Африке, в Китае, в Южной Америке, во всех частях света; нет ни единой страны, где бы не было хотя бы группы коммунистов. Крупнейшие проблемы нашей эпохи — проблемы программного характера — требуют от нас анализа соотношений между этими странами, требуют подведения основ под общую тактику и стратегию Коммунистического Интернационала, взаимной увязки тактики компартий различных стран. Марксу не приходилось сталкиваться с такими задачами. Когда Маркс писал свой знаменитый манифест, такие задачи, задачи мирового размаха, еще не стояли непосредственно на очереди дня. В последующую полосу II Интернационала недостатка в громких словах и фразах не было: во II Интернационале много толковали о «братстве народов», о необходимости об'единения всех пролетариев, об Интернационале и пр. Продолжают говорить об этом во II Интернационале и теперь. Но приглядитесь к тому, что происходит сейчас на конгрессе II Интернационала. Из сообщений об этом конгрессе видно, что скамьи представителей колониальных стран пустуют. Это, конечно, не случайно. В наших же заседаниях участвуют подлинные представители самых различных колониальных наро-

дов и стран. Представители партий Коммунистического Интернационала и колониальных, и европейских, и американских не ограничиваются платоническими разговорами о «братстве народов», но дружно ведут совместную борьбу и связаны организационно друг с другом. Наша международная работа имеет еще много недостатков, но можно, не преувеличивая, сказать, что такое пролетарское сотрудничество создается впервые в истории, что в первый раз в истории человечества мы разрабатываем международную стратегию, международную тактику пролетариата и стараемся координировать, увязать между собой тактику, проводимую нами в различных странах. Мы стараемся найти идеологическое выражение тому, что происходит в действительности, мы не щеголяем фразеологией, но базируемся на реальных фактах. Смело можно сказать, что Коммунистический Интернационал, это — единственная сила, организующая в международном масштабе массы пролетариата и определяющая их общую стратегию и тактику. Это наблюдается впервые, и вполне понятно, что наша программа должна иметь некоторые специфические черты, отсутствовавшие даже в лучших документах прежних эпох. Те товарищи, которые, сопоставляя наш проект с краткими программами национальных секций или с «Коммунистическим Манифестом», требуют, чтобы программа К. И. была «не длиннее», применяют неправильный критерий: такие требования имеют в своей основе неправильное положение, что наше время ничем, якобы, не отличается от прежних времен и не имеет специфических черт, специфических запросов и специфических требований.

Чем определяются изменения, внесенные в прежний проект программы.

На прошлом конгрессе Коммунистического Интернационала обсуждался и был принят проект программы. Специальной комиссии было поручено внести в него редакционные поправки для последующего обсуждения его на VI конгрессе. Программная комиссия Исполкома Коминтерна не ограничилась одними

редакционными изменениями. Проект программы, предлагаемый нами от имени ИККИ, изменен весьма значительно по сравнению с прежним проектом. После V конгресса прошло 4 года. Об'ективные условия исторического развития значительно изменились. И изменения эти зачастую весьма существенны. Они требуют от нас не только известных изменений в тактике, но и несколько иной формулировки наших программных положений. Разумеется, это ни в коем случае не означает изменения основных принципов прежнего проекта программы.

Принципиальные положения нашей программы, это — принципы революционного марксизма-ленинизма. Но в конкретные формулировки этих принципиальных положений при анализе капиталистического общества, при анализе положения в СССР, при определении выдвигаемых нами требований и намечаемой тактической линии необходимо было внести целый ряд изменений. Повторяю, все это обусловлено об'ективными изменениями в реальном процессе развития. Изменилась форма общего кризиса капитализма. Об этом я уже говорил в моем первом докладе на конгрессе и не буду поэтому на этом вопросе снова останавливаться. Произошла передвижка основных сил империализма. Азиатский материк пережил ряд громадных потрясений. Огромное значение имела — и, будем надеяться, еще большее значение будет иметь — грандиозная китайская революция. В стране пролетарской диктатуры, в СССР, достигнуты крупные успехи, произошло накопление большого опыта, грядущие пути наметились теперь гораздо более четко, чем это было 4 года назад. Специфические черты развития СССР и все явления международного характера теперь обозначились более отчетливо, чем ко времени предыдущего конгресса.

Изменениям экономической структуры современного капитализма, разного рода передвижкам в политической надстройке капитализма сопутствуют новые социальные явления. В период V всемирного конгресса фашизм переживал лишь начальную стадию своего развития. Теперь у нас имеется уже не только классическая форма фашизма, но и ряд

переходных стадий к нему. Фашизм стремится прочно укорениться в качестве особой системы, особого, с позволения сказать, «мировоззрения», нового «культурного идеала».

Наш главный враг в рабочем движении вступил в новый этап развития, — я говорю о социал-демократических партиях, партиях II Интернационала. Соответственно этому меняются внутренняя структура и функциональная роль реформистских профсоюзов, их подход к разного рода и программным и тактическим вопросам. Поэтому, например, проблема проводимой нами тактики единого фронта ставится уже теперь несколько иначе, чем 4 года назад. В связи с новыми явлениями в рабочем движении Исполком Коммунистического Интернационала наметил и провел тактический поворот налево в отношении английской партии, французской партии и т. д.

Крупные изменения в той форме общего кризиса, который переживает капитализм, изменения в целом ряде других областей, о которых я говорил, заставили нас, программную комиссию ИККИ, несколько расширить свою задачу и не ограничиться внесением в прежний проект только технических, редакционных поправок. Разумеется, это не входило в компетенцию программной комиссии с формальной точки зрения, и она превысила свои полномочия. Но мы надеемся, что VI всемирный конгресс не вынесет нам порицаний, так как у программной комиссии, на мой взгляд, были достаточно веские мотивы, чтобы так поступить. Первая моя задача и заключается в том, чтобы показать, что те изменения или, по крайней мере, основные изменения, которые внесены программной комиссией, вполне оправданы и обусловлены всей мировой ситуацией.

НАШЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ — ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.

Товарищи, одна из основных, характерных черт нашего проекта заключается в том, что он открыто заявляет, что

Коммунистический Интернационал применяет, защищает и пропагандирует революционный метод диалектического материализма Маркса и Энгельса. В основу всего проекта программы мы кладем конкретный анализ, сделанный на основе диалектического материализма, как метода и как определенного мировоззрения, выдвинутого Марксом и Энгельсом. В данном проекте мы еще резче оттенили нашу приверженность революционному марксизму; в переживаемую эпоху необходимо ярко подчеркнуть эту идеологическую основу нашей программы. Я уже указывал, что социал-демократические партии и в идеологическом отношении переживают процесс глубочайшего перерождения и «обуржуазивания». Это не подлежит никакому сомнению. Германская социал-демократия, этот классический образец социал-демократической партии, до сих пор кокетничавшая марксистской фразеологией, хотя значительная часть этой соц.-демократии давно уже эту фразеологию отбросила, — германская социал-демократия, являвшаяся в довоенные времена провозвестником научного социализма и подчеркивавшая, что социализм «с железной необходимостью» вытекает из капиталистического строя, что наши идеалы и наши цели глубоко уходят своими корнями в об'ективное развитие капиталистического общества, эта социал-демократическая партия теперь уже и формально совершенно порвала с научной традицией социализма. Она уже теперь не делает того вывода, что социализм возникает из об'ективного хода развития капиталистического общества. В германской социал-демократии идейную гегемонию получают совершенно иные идеологические течения, разного рода отпрыски английского эклектического псевдо-социализма, который в своих философских построениях выдвигает на первый план так называемые этические моменты. Крупнейшие теоретики социал-демократии стараются примирить Маркса со старогегельянством, с Кантом, с Бергсоном, с другими философами идеализма, даже с религией. По мере своей капитуляции перед буржуазией социал-демократия все чаще и чаще прямо и открыто нападает на мнимый «фатализм» научного социализма,

иначе говоря, на ортодоксальный марксизм, и подводит под свои теории этическую, а местами и религиозную основу. В эту эпоху мы должны особенно настойчиво подчеркивать, что мы твердо стоим на почве ортодоксального марксизма-ленинизма. Мы должны открыто заявить — и в проекте программы мы это делаем, — что мы обосновываем необходимость социализма научными данными и что наша тактика соответствует этому об'ективному научному прогнозу. В своем прогнозе мы устанавливаем историческую необходимость перехода от капитализма к социализму и в то же время претворяем наш прогноз в практику, в живую действительность. Одновременно с этим и в теснейшей связи с вышеуказанными положениями мы открыто проповедуем нашу марксистскую теорию крушения капитализма, нашу теорию революции.

Заметим здесь в скобках, что социал-демократия не только выбросила из своего лексикона термин «диктатура пролетариата», но что она вообще больше уже не говорит и о революции. Если она упоминает слово «революция», как, например, в программе рабочей партии, то там лишь, где она говорит о своей **борьбе** против революции. Программа германской социал-демократической партии говорит о «завоевании власти», но слово «революция» в ней вычеркнуто. Известный ренегат коммунизма Пауль Леви скромно и не без робости заметил на гейдельбергском с'езде: «Господа, вы вычеркнули революцию вообще, вы выдвинули вульгарную эволюцию!». На что Рудольф Гильфердинг в заключительном слове, примерно, так ответил ему: «Что мы понимаем под революцией? Величайший революционер — капитализм. Капитализм ведь налицо. Значит, eo ipso и революция налицо!»

Итак, метод диалектического материализма, историко-революционное обоснование социализма, учение о революции, учение о диктатуре пролетариата, — все эти моменты, тесно связанные друг с другом, составляют идеологическую основу нашего проекта программы.

МИРОВОЙ МОТИВ ПРОГРАММЫ КИ.

Абстрактным анализом удовлетвориться сейчас невозможно.

Проект программы, предлагаемый VI конгрессу, имеет по сравнению с прежними проектами еще одну специфическую особенность. Мы в этом проекте особенно ясно подчеркнули м и р о в о й м о т и в, о п р е д е л я ю щ и й в с ю а р х и т е к т о н и к у п р о г р а м м ы и п р о х о д я щ и й ч е р е з в с е е е г л а в ы. Этот мировой мотив накладывает свой отпечаток и на анализ общего кризиса капитализма, и на выработку нашей стратегии и тактики, и на наши программные требования. Мы сделали это, товарищи, потому, что теперь наше движение и потребности наших партий выросли. Теперь мы уже не можем удовлетворяться прежними методами разработки программы. Прежде — это было типично для любого проекта программы в любой партии, а также и у нас в СССР, — программа начиналась с анализа абстрактного капитализма, начиналась с характеристики законов движения абстрактного капиталистического общества. Мы думаем, что потребности нашей эпохи требуют известного изменения этого типа программы. Наиболее острые проблемы нашей эпохи, как каждый понимает, связаны с проблемой империализма. Уже проблема империализма не позволяет нам ограничиваться одной характеристикой абстрактного капитализма. Абстрактный капитализм есть некоторое замкнутое целое, общество без внешних сношений, без внешней торговли, без экспорта капиталов и т. д. Каждый, кто знаком с теоретическими спорами в наших марксистских рядах, знает, например, что, если мы анализируем проблему кризисов, воспроизводства и т. д., то, — так уже повелось со времени Маркса, — мы должны абстрагировать от внешней торговли и ряда других условий. Так развертывается, как это известно каждому, и анализ в «Капитале» Маркса. Однако, если мы анализируем проблему и м п е р и а л и з м а, то мы уже не можем оперировать одним понятием абстракт-

ного капитализма. Анализ империализма имеет особой предпосылкой анализ отношения между различными составными частями капиталистической системы. Анализ империализма невозможен без анализа внешней торговли, без анализа экспорта капиталов, без анализа отношений внутри мирового капиталистического хозяйства. Таким образом, здесь налицо уже нечто иное, чем простой и абстрактный «капитализм вообще». Проблема империализма имеет в качестве предпосылки непосредственный анализ мирового хозяйства и мировых хозяйственных отношений. Поэтому законы движения абстрактного капитализма можно взять как исходную точку дальнейшего анализа. Это мы должны сделать. Но удовлетвориться анализом абстрактного капиталистического общества сейчас стало невозможно. И поскольку потребности нашей эпохи, потребности мирового рабочего движения и различных коммунистических партий заставляют нас ставить вопрос все конкретнее, постольку опять-таки растет и потребность в конкретном анализе; это, однако, вовсе не означает, что мы должны загрузить нашу программу конкретными деталями. Но мы должны выявить в программе типичные особенности в отношениях между различными составными частями.

Почему мы подчеркнули анализ мирового хозяйства.

Попытаюсь осветить вопрос несколько иначе. Одна из социал-демократических теорий, направленных против нас, есть теория так называемого «ультра-империализма». Нужна ли в нашей программе контраргументация против этой теории? Я думаю, что да. Разве вопрос об «ультраимпериализме» не одно из величайших теоретических расхождений, ведущих к крупнейшим политическим выводам? Конечно, да. Но попробуйте трактовать проблему «ультра-империализма» с точки зрения абстрактного капитализма! Это абсолютно невозможно. С любой точки зрения мы вынуждены, — это отнюдь не отрицательный, а, по-моему, положительный мо-

мент, шаг вперед в развитии идеологии коммунизма, — подчеркивать в нашей программе все тот же мировой мотив. Вы видите, насколько расширилось наше движение. Этого мы на V мировом конгрессе еще не видели или не чувствовали в такой степени, как сейчас. Возьмите хотя бы то обстоятельство, что мы на этом конгрессе впервые имеем такое сильное представительство южно-американских стран, колониальных стран и т. д. Ведь это показатель нашего большого роста, и этот большой рост должен найти свое отражение в программе. Все эти аргументы привели нас к тому, что мы, исходя из анализа абстрактного капитализма, подчеркнули анализ мирового капиталистического хозяйства. Мы говорим о конкретно существующей системе мирового хозяйства, о системе всемирно-экономических отношений, мы говорим о системе мирового империализма, мы даем анализ его внутренних противоречий, мы исследуем вопрос об общем кризисе капитализма не только в абстрактных формулах общей «теории катастроф», но мы расшифровываем эту теорию катастроф; мы разлагаем этот процесс, мы изображаем его конкретнее, как процесс мировой революции, слагающейся из различных составных частей. Допустим, что мы взяли бы процесс кризиса капитализма в совершенно абстрактной его форме. Тогда мы не получили бы никакого ответа на такие вопросы, как вопрос о роли национальных восстаний, о роли колониальных войн, о роли аграрных революций в отсталых странах и т. д. Необходимо ли ответить на эти вопросы в проекте программы? Думаю, что абсолютно необходимо. Напомню, например, о блестящей полемике т. Ленина, направленной против брошюры Юниуса — Розы Люксембург, или о статье Ленина против т. П. Киевского. В чем заключалась одна из гениальных черт Ленина? В том, между прочим, что он уже в период мировой войны, в самом начале ее, прекрасно понял разнородность, многогранность мирового революционного процесса, чего многие из нас тогда еще не понимали. Он уже тогда понял, что этот процесс не будет протекать в «чистых» формах «чистых» про-

летарских восстаний, но что с этим процессом пролетарских революций будут сочетаться и национальные войны против империалистических властителей и колониальные восстания. Ленин уже тогда, во время мировой войны, указывал, что мировая революция совершается не как однократный акт, что ее надо брать не как абсолютно однородное целое, а что она слагается из различных, составных частей, разнообразного социального характера и протекает, как длительный процесс, притом неравномерно развивающийся. Гегемония пролетариата в революции именно в том и заключается, что он, пролетариат, ведет за собой всю эту цепь мировых революционных процессов. Перед мировым пролетариатом стоит задача не только проводить «чистые» пролетарские революции, но и вести за собою крестьянство и колониальные народы; он должен, например, поддерживать такие национальные или даже националистские или даже непосредственно руководимые буржуазными революционерами восстания, как, например, ирландское восстание против британского империализма во время войны. Этого мы не понимали. Многие из лучших революционных умов рабочего движения, как, например, Роза Люксембург, тоже этого не поняли. Но если эта тема, т. е. конкретная расшифровка мирового революционного процесса, так исключительно важна для нашей непосредственной практики, то можем ли мы пройти мимо нее? Ни в коем случае. Эта тема не может отсутствовать в нашей программе. Мы не можем говорить только об абстрактной революции в абстрактном капиталистическом обществе, но мы должны говорить о мировой революции, и не вообще о мировой революции, а о мировой революции с точки зрения ее внутренней многоликости, с точки зрения ее разнообразнейших форм, которые лишь во всей своей совокупности образуют общий процесс мировой революции. Да и о процессе мировой революции мы должны говорить гораздо более конкретно, подчеркивая его внутреннее разнообразие. Итак, анализ должен носить более конкретный характер, и в то же время он должен быть связан с мировым мотивом. Поэтому нужна

была также большая переработка *главы о коммунизме* — о нашей конечной цели. Мы и здесь говорим в новом проекте *о мировой системе коммунизма*. Смело говоря, мы ставим здесь вопрос о нашем *мировом плане на будущее*. Мы говорим совершенно открыто: теперь речь идет уже не о коммунизме, как о какой-то абстрактной вещи; нет, в наше время мы стремимся действительно подчинить своему влиянию *весь мир* и руководить им, вести его к нашей конечной цели, и эта конечная цель вырисовывается перед нами уже в более конкретной форме. Мы заявляем, что в ответ на утопические планы империализма кровью и железом соорудить невиданный мировой трест мы ставим себе задачу: путем пролетарских революций, путем мировой революции овладеть всем миром и так распределить производительные силы всего мира, чтобы они могли развиваться наиболее мощным темпом. Поэтому мы и в главе о мировом коммунизме гораздо конкретнее выявляем особенности этой нашей конечной цели, что опять-таки обязывает нас подчеркнуть мировой мотив. Точно так же мы поступаем, когда характеризуем *переходный период*, когда мы говорим о *различных* «переходных периодах» в соответствующих *типах стран*.

Что является стержнем в нашем анализе стратегии и тактики.

Затем мы это делаем в главе *о стратегии и тактике* наших партий. Вопрос *о стратегии и тактике* очень важен и стоит в органической связи с нашими текущими тактическими задачами. При обсуждении наших тезисов по первому пункту порядка дня мы отметили, что почти все наши партии обнаружили ряд недочетов при проведении международных кампаний, в особенности кампании в пользу китайской революции и т. д. Но такая постановка вопроса означает, что мы *уже* поставили перед собой, *как практическую задачу*, вопрос о *координировании нашей борьбы в различнейших частях мира*. Что означают демонстрации

в Берлине в пользу китайских рабочих? Это вопрос о координировании борьбы китайских рабочих и берлинского пролетариата. И чем более мы будем расти, тем в большем об'еме станут перед нами эти задачи. Что означает лозунг защиты СССР? Не что иное, как выработку международной стратегии и тактики различных партий, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу. И здесь, разумеется, перед нами встают большие трудности. Как можно связывать друг с другом такие разнохарактерные задачи, как уложить их в программные формулировки, как найти основную линию, которая позволит нам рассматривать эти различные формы тактики и стратегии под углом зрения нашей общей стратегии? Я думаю, все товарищи заметили, каким путем мы пытались решить эти проблемы: мы поставили во главу угла борьбу за мировую диктатуру пролетариата, рассматривая борьбу любого рабочего класса в соответствующих странах, как некую ступень в развитии интернациональной борьбы за мировую диктатуру пролетариата. Таким образом, мы в нашем проекте различаем три типа стран: высокоразвитые капиталистические страны, страны с средним уровнем развития, — это, надо сознаться, очень условное, неточное выражение, — и затем колониальные и полуколониальные страны. Мы пытались обрисовать специфические особенности этих стран. А в соответствии с этим — специфические задачи в борьбе за пролетарскую диктатуру, в борьбе за диктатуру пролетариата и крестьянства, являющуюся некоторым этапом на пути к диктатуре пролетариата. Затем, развитие и «перерастание» этой борьбы за диктатуру рабочего класса и крестьянства в непосредственную борьбу за пролетарскую диктатуру. Это стержень всего анализа нашей стратегии и тактики. Общая цель — борьба за диктатуру мирового пролетариата — стоит на первом месте. Развитым капиталистическим странам принадлежит первое место в непосредственной борьбе за пролетарскую диктатуру. Другие страны осуществляют борьбу за диктатуру пролетариата и крестьянства, которая рисуется только как предварительная сту-

пень в борьбе за диктатуру пролетариата. Точно так же и в отношении колониальных стран. Итак, общая, все об'единяющая цель — борьба за мировую диктатуру пролетариата. Наши программные требования мы рассматриваем в нашем проекте именно по этой линии. Что представляют собою требования компартий в наиболее развитых капиталистических, империалистических странах? Это переходные требования периода непосредственной борьбы за пролетарскую диктатуру и ее укрепление. А какой характер носят требования, которые мы выдвигаем, как специфические, для колониальных стран? Это,— если говорить о типичных случаях, — требования, соответствующие предварительной ступени борьбы за пролетарскую диктатуру, т. е. борьбы за диктатуру пролетариата и крестьянства. Так мы сочетаем в одно целое все это многообразие, все разнородные части процесса, и из этого многообразия мы получаем общую картину развития борьбы за пролетарскую диктатуру.

Таким образом, во всех частях проекта программы самое характерное это — мировой момент, момент международной борьбы, общее начало, связующее все наши партии, и в то же время не в плоской, вульгарной форме, не упрощенно и расплывчато, а на основе многообразия, разнохарактерности, выявления различий, которые увязаны между собой, об'единены под углом зрения борьбы за пролетарскую мировую диктатуру.

МНОГООБРАЗИЕ ПРОЦЕССА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Опыт СССР.

Итак, мы очень настойчиво подчеркнули в нашем проекте проблему многообразия мирового революционного процесса, но мы в то же время попытались обосновать этот момент. Мы выдвинули в нашем проекте тезис, что относительное единство мирового хозяйства есть причина мирового характера революции, а неравномерное развитие капитализма есть причина неравномерного развития

мирового революционного процесса. На основе этого тезиса мы затем рисуем различные типы стран. В связи с этим нам пришлось, с одной стороны, подчеркнуть роль СССР, а с другой — роль колоний. Наш проект отличается от прежнего и наличием специального раздела СССР и еще тем, что он делает более сильное ударение на колониальной проблеме. Уже одни эти вопросы, даже с точки зрения простой архитектоники программы, создают непроходимую пропасть между нашей программой и программами социал-демократии, ибо в проектах социал-демократических партий нет, конечно, никакой речи о СССР, а колониальный вопрос освещается ими так, что это освещение трудно отличить от империалистской установки. Некоторые из наших товарищей находят не особенно целесообразным отдельно говорить в программе о СССР, и некоторые из русских товарищей также утверждали в нашей прессе, что это придает проекту программы слишком специфический русский характер. Я не разделяю этого мнения; я думаю, что мы вынуждены отдельно, особо говорить о СССР. Что значит говорить особо о СССР? Это вовсе не значит, что мы вырываем вопрос о СССР из общей связи мировых явлений, мирового развития. Наоборот, мы рассматриваем эту проблему с точки зрения взаимоотношений во всем мировом хозяйстве, с точки зрения международного рабочего движения. Если я говорю об «отдельной» постановке вопроса о СССР, то я под этим понимаю, что мы этой проблеме уделили довольно много места в общем проекте программы. Это совершенно правильно, в особенности при нынешней ситуации. Эту ситуацию нельзя понимать как «кон'юнктуру» в узком смысле этого слова. Вопрос о военной опасности, например, не есть нечто связанное с кон'юнктурой, он вовсе не аналогичен вопросу о депрессии или о под'еме в той или иной стране. Дело обстоит иначе. Военная опасность будет заполнять довольно большой период в развитии общего кризиса капиталистической системы. И этот вопрос, как я уже говорил в моем первом докладе, есть ось всего ближайшего периода. С другой стороны, довольно значительный опыт строи-

тельной работы, накопленный нашей партией, должен быть использован другими партиями. Говорят: ваш опыт имеет международное значение, используйте его в главе о «военном коммунизме» и о «новой экономической политике». Конечно, мы делаем и это, и отчасти, на основе нашего советского опыта, мы освещаем несколько подробнее, но вместе с тем с большой осторожностью целый ряд проблем, например, проблему новой экономической политики, проблему «военного коммунизма» и т. д. Этого я отнюдь не оспариваю.

Но есть различные специфические проблемы, специфический опыт, который мы ни в коем случае не должны непосредственно переносить на другие страны. Передать революционному рабочему классу всего мира опыт нашей страны в целом, познакомить его с этим опытом в обобщенной, сгущенной форме — не только с точки зрения непосредственного перенесения этого опыта на такие-то и такие-то страны — абсолютно необходимо. Создать ясность в вопросе о роли СССР в нынешней общей ситуации, в вопросе об обязанностях СССР по отношению к пролетариату других стран и по отношению к колониальным движениям и, с другой стороны, об обязанностях пролетариата других стран по отношению к СССР — абсолютно необходимо. Как будем мы затушевывать этот вопрос, вносить в него соображения дипломатического свойства, если он требует величайшей *ясности*, ясности *прежде всего*?

Все эти соображения побуждают нас посвятить специальный раздел проблеме СССР.

Роль колоний.

Сильное ударение на *колониальной проблеме*, гораздо более сильное, чем в прежних проектах программы, тоже диктуется необходимостью. В связи с этим я хотел бы сказать еще следующее. Мы пытаемся изобразить в проекте программы не только роль колониальных движений с точки зрения всемирно-революционного процесса, но и исследовать эту роль в свете нашего дальнейшего строительного будущего. В нашем проекте

есть некоторые обобщенные положения, например, дается сопоставление колоний, как мировой деревни, с промышленными странами, как мировым городом. И в самом деле, что получится, если мы взглянем на общую картину мирового хозяйства с точки зрения нашего будущего? Могучие промышленные страны, которые в классовом отношении представляют собою центры промышленного пролетариата. Это, так сказать, большие города во всем мировом хозяйстве, в то время как колониальная периферия или бывшие колонии представляют собою своего рода гигантское село, сельскую периферию по сравнению с этими промышленными центрами. Тов. де-Фриз говорил в программной комиссии об опасениях, существующих среди различных частей пролетариата: английских рабочих, например, беспокоит вопрос о том, как в случае широкого и глубокого развязывания революционного процесса в английских колониях или в самой Англии английский пролетариат в состоянии будет пропитаться без этих бывших колоний, без подвоза продовольствия из них и т. д. Все эти проблемы, все эти опасения требуют внесения полной ясности в вопрос о будущих отношениях между центрами индустрии и бывшими колониями. И с экономической точки зрения наши братские отношения с колониальными народами определяются железной необходимостью экономических связей между мощными промышленными центрами, с одной стороны, и большой деревней — с другой стороны. А с классовой точки зрения здесь в мировом масштабе ставится проблема взаимоотношений между мировым промышленным пролетариатом и — если так можно выразиться — мировым колониальным крестьянством.

Таким образом, все специфические ленинские проблемы, о которых мы столько спорили, теперь встают перед нами в мировом об'еме. И если мы так «дерзки», что решаемся говорить о мировом коммунизме, о мировой диктатуре пролетариата, о мировом плане нашей деятельности, то, разумеется, эта проблема экономических отношений между промышленностью и пролетариатом, с одной стороны, и кре-

стьянством, с другой стороны, есть важнейшая проблема и с экономической, и с классовой точки зрения.

Здесь мы должны в программе поставить и разрешить вопрос о возможности *некапиталистического*, т. е. *непосредственно-социалистического развития в колониальных странах*, вопрос, поставленный в свое время Лениным на II конгрессе. Я думаю, что мы должны здесь различать *две* проблемы. С одной стороны, мы имеем такие колонии, где капитализм уже *достаточно развит*, где мы ставим вопрос о гегемонии пролетариата, но где внутренние силы пролетариата все же еще недостаточно развиты, чтобы *без* дальнейшей помощи извне направлять последующее развитие общества по социалистическому пути. Если у нас был спор с троцкизмом о возможности строительства социализма в одной стране, то это отнюдь не следует понимать так упрощенно, будто бы в *каждой* стране имеется все необходимое для построения социализма. Это было бы неуклюжее и нелепое толкование нашей точки зрения. Конечно, *не во всякой* стране возможно строительство социализма собственными силами, необходима известная степень развития производительных сил, концентрации промышленности и т. д. Без этих предпосылок нельзя и помышлять о возможности развития социализма в той или другой стране. Возьмем, например, китайскую революцию. Мы говорим о неизбежном будущем процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Прекрасно. Но означает ли это, что китайский пролетариат в состоянии будет одними собственными силами, так сказать *сепаратно*, строить социализм? Думаю, что нет. В Китае вопрос стоит *иначе*, чем в России. Экономическая структура там несколько *иная*. Это означает, что мы китайскую революцию и с точки зрения самой *возможности* строительства социализма должны рассматривать сразу же в контексте мировой революции. Вопрос стоит так, что в Китае отчасти уже существует капитализм, есть рабочий класс, который в состоянии быть гегемоном революции, но отнюдь еще не в состоянии один, без внешней помощи, с

успехом создавать социалистический строй. Здесь мы и выдвигаем вопрос о помощи пролетарских диктатур пролетариату той или иной страны в деле строительства социализма. Так стоит вопрос в отношении экономически отсталых стран, где капитализм уже существует, где есть налицо пролетариат, но где нет достаточных внутренних предпосылок для строительства социализма.

О возможности некапиталистического развития.

Но иначе, например, стоит вопрос там, где капитализм, действительно, находится еще в эмбриональном состоянии, где налицо еще докапиталистические формы, где капитализм еще не особенно сильно внедрился в общественно-экономическую жизнь. Здесь гораздо рельефнее ставится вопрос о возможности «перескочить» через фазис капитализма, вопрос о возможности развиваться, «минуя» капитализм. Что здесь означает тезис о внешней помощи? Здесь это уже нечто иное. Здесь нужна не помощь одного рабочего класса другому рабочему классу, уже в известной степени развитому; здесь вопрос почти непосредственно сводится к проблеме взаимоотношений между рабочим классом промышленных центров и — непосредственно! — крестьянством. Возьмем с классовой точки зрения, например, проблему отношения пролетарских диктатур промышленных стран к китайским рабочим. Пролетариат промышленных центров, где существует уже пролетарская диктатура, находится в известных взаимоотношениях с китайским пролетариатом, который ведет за собой крестьянство. Здесь у нас имеется промежуточное звено — китайский пролетариат, который играет самостоятельную роль, роль гегемона. Но в такой стране, где пролетариат является ничтожной частью населения или почти совершенно не существует, там картина меняется. Пролетарские диктатуры промышленных стран не имеют здесь промежуточного звена—пролетариата, и поэтому процесс развития в соответствующих колониальных странах будет иным. В Китае дело обстоит так: с внутренней китайской точки зрения мы говорим о проблеме перерастания буржуазно-демо-

кратической революции в социалистическую революцию. Не то у каких-нибудь бродячих народов или в странах с чисто крестьянским населением. С всемирно-исторической точки зрения мы и здесь можем поставить вопрос о «перерастании». Но при этих предпосылках вопрос ставится по-иному. Почему? С точки зрения внутренних условий этой страны здесь невозможно никакое перерастание, ибо в ней нет пролетариата, в ней не существует внутренних предпосылок для этого перерастания, для превращения крестьянско-демократической революции в революцию социалистическую. В этой стране нет суб'екта, который творил бы историю в соответствующем направлении. И все же мы можем и тут говорить о перерастании революции в социализм, но условно, но лишь в совершенно ином смысле, а именно, лишь в том смысле, что в последнем счете промышленные центры других стран всосут крестьянскую периферию в сферу своего влияния. Приведу пример из жизни СССР. У нас в Советском Союзе имеется гигантское сельское хозяйство. Есть и промышленные города. Возьмем, например, какие-нибудь сельские советы, в которых рабочих нет. Если бы у нас было такое положение, что эти советы в деревне были бы изолированы от городских советов, то это была бы советско-крестьянская демократия и ничего более. Но так как существует определенная связь между этими советскими ячейками в деревне и пролетарскими советами в городах, так как вся система советского здания построена таким образом, что эти низовые ячейки представляют собой маленькие составные частицы в общем организме советского государства, где руководящая роль принадлежит городским рабочим советам, где вся система построена так, что чем выше, тем сильнее пролетарское влияние, и что в случае разногласий решает пролетариат — и только пролетариат, — в силу всех этих причин крестьянские ячейки превращаются в составные части пролетарской диктатуры. И только эти связи дают нам возможность вовлекать крестьянство в руководимое пролетариатом социалистическое строительство. Возьмем опять мировую картину. Я думаю, что можно по аналогии

с вышесказанным говорить о мировом промышленном городе или промышленной пролетарской диктатуре и о крестьянской колониальной деревне. Поскольку мы все эти области после революции, в условиях развивающейся пролетарской диктатуры, об'единим в форме федерации или в какой-либо иной форме, то чисто крестьянские области — бывшие колонии — будут играть в мировой системе пролетарской диктатуры приблизительно такую же роль, как, скажем, наш сельсовет во всей советской системе в нашей стране. Если вовлечение этих деревенских частей в общий процесс развития будет развертываться все шире, с этой точки зрения и в этом смысле мы можем сказать, что и здесь имеет место процесс развития в направлении социалистической революции. Не потому, что в самой этой крестьянской периферии имеются действующие группы пролетариата, а потому, что пролетариат других стран втянет всю эту крестьянскую периферию в орбиту своего влияния и сумеет создать условия непосредственного перехода ее к социализму, минуя капиталистическую фазу развития. Можно сказать, что это — «музыка будущего», что у нас пока что еще такого положения нет, но я думаю, что мы должны это будущее продумать.

Мировой город и мировая деревня.

Я попытался несколько расшифровать дальнейший ход развития после мировой победы пролетариата и несколько развернуть тот тезис, о котором говорил Ленин, — что Коминтерн должен обосновать и доказать возможность некапиталистического, т. е. социалистического, развития так называемых «нецивилизованных» народов. Это выражение — «нецивилизованные» народы — не наше выражение. Наша задача заключается в том, чтобы развить отсталые народы в таких колониях и втянуть их в общее движение. Здесь мы должны дать гораздо более ясную картину, чем прежде. Если мы говорим в программе о мировой диктатуре пролетариата, то мы должны касаться и взаимоотношений между мировым городом и мировой деревней, взаимоотношений между мировым

пролетариатом и мировым крестьянством. Я не выдвигаю здесь особо проблемы диференциации крестьянства не потому, что я не считаю важным этот вопрос, а потому, что это совершенно особая тема, которая много раз обсуждалась и излагалась и излагается как в соответствующих резолюциях, так и в нашем проекте программы. Но тот тезис, который я сейчас пытался развернуть, до сих пор четко не разрабатывался, и мы должны были сильнее оттенить его в нашем проекте программы.

Анализ тезиса о возможности некапиталистического развития колоний находится в тесной связи с тем обстоятельством, что мы теперь колониальную проблему ставим гораздо острее, чем прежде; а это, с своей стороны, тесно связано с тем, о чем уже писал Ленин: победоносный исход исполинской мировой борьбы пролетариата против международного капитала определяется процессом вовлечения сотен миллионов колониального населения в эту борьбу. Эта гигантская массовая сила, эти колоссальные резервы пролетариата и отчасти крестьянства с всемирно-исторической точки зрения являются решающей силой. Если мы говорим о пролетариате и его руководящей роли в мировой революции, то одна из важнейших основных задач — разрешение проблемы руководства мировым крестьянством со стороны мирового пролетариата. Вот почему колониальная проблема стоит так остро и вот почему мы должны так сильно ее подчеркивать. Мы должны делать сильное ударение на том, что в процессе мировой революции именно сочетание восстаний мирового пролетариата с аграрными революциями колониального крестьянства представляет собою важнейший фактор и важнейший залог нашей победы.

НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Наше обоснование теории катастроф.

Несколько слов о законах движения капитализма и по вопросу об общем кризисе капиталистической системы. Здесь я буду кратком. Я уже подчеркивал,

что мы рассматриваем социализм как неизбежное и естественное явление в полном согласии с основными взглядами Маркса, Энгельса и Ленина. Характеристика законов движения капитализма есть важнейший момент в принципиальной части нашего проекта программы. Мы обосновываем «теорию катастроф» на основе анализа процесса воспроизводства противоречий капиталистической системы. Мы в нашем проекте не изображаем дело так, что капитализм постепенно становится все слабее и слабее, а пролетариат все сильнее и сильнее. Хотя последняя фаза капитализма, империалистическая фаза, обнаруживает возрастающие симптомы внутреннего гниения, хотя паразитарные тенденции все сильнее выпирают в рамках капиталистической системы, все же в целом ряде капиталистических стран, в особенности в самое последнее время, развиваются мощные производительные силы, растет техника. Мы убеждены в том, что катастрофа капитализма по всему фронту наступит, но не потому, что капитализм во всех своих частях будет становиться все слабее, а потому, что величайшие противоречия, внешние и внутренние, связанные между собою и порождаемые капитализмом во всем ходе его развития, будут приводить к все более сильным столкновениям и конфликтам. И во время этих столкновений антагонистических сил взорвется и погибнет капиталистическая форма общества.

Спор о финансовом капитале.

В связи с этим общим изложением теории катастрофы, как результата постоянного воспроизводства противоречий самой капиталистической системы, находится анализ нынешней ситуации и анализ общего кризиса капиталистической системы. На этом вопросе мне незачем останавливаться, ибо эта тема вполне исчерпана в первом пункте порядка дня. Мне все же хотелось бы остановиться на некоторых спорных моментах, связанных с характеристикой законов движения капиталистической системы. В дискуссионной литературе по поводу программы прежде всего была атака

на понятие «финансовый капитал». Некоторые товарищи обвиняли нас в том, что мы заимствовали эту теорию у Гильфердинга, и поэтому-де наш проект приобрел якобы социал-демократическую «гильфердинговскую» окраску. Я думаю, что эти аргументы неверны. Формально говоря, если Гильфердинг говорит о финансовом капитале, то это не означает, что он не сказал ничего верного по этому вопросу; и социалистические писатели, в особенности в прежние, довоенные времена, иногда говорили довольно правильные вещи. Каждый знает, как Ленин ценил такую, впрочем не лишенную недостатков, брошюру, как «Путь к власти» Каутского. Мнение Ленина о «Финансовом капитале» Гильфердинга также известно. Если в германских кругах в шутку говорят, что Гильфердинг живет за счет финансового капитала, то теперь это выражение употребляется в совершенно ином смысле — в том, что автор «Финансового капитала» находится на иждивении магнатов финансового капитала (с маленькой буквы). Нельзя забывать, что Гильфердинг в конце своей книги «Финансовый капитал» говорит о *пролетарской диктатуре*. Что же касается существа аргументации некоторых товарищей, то оно сводится к тому, что понятие финансового капитала означает не что иное, как господство банков над промышленностью. Таким образом, под понятием «финансовый капитал» подразумевается, по их мнению, не об'единение банкового капитала с промышленным капиталом, а господство банкового капитала над промышленным капиталом. Это неправильное понимание финансового капитала. Финансовый капитал есть такая форма капитала, когда банковский капитал *срастается* с промышленным капиталом. Именно *такое* — а не иное — понимание финансового капитала есть исходная точка нашего анализа.

Второй довод, связанный с первым, гласит: Маркс особенно во II томе «Капитала» отчетливо показал, что основа всего процесса обращения капитала есть производство, что основная форма капитала есть, следовательно, капитал промышленный. Говорить о гегемонии банков значит-де отрицать, что производство есть главная основа всего процесса обращения.

Вся эта аргументация неверна, прежде всего, потому, что в основе ее лежит неправильное понимание финансового капитала. Из определения финансового капитала выдергивается самый существенный момент: сращение банковского капитала с промышленным. Но даже если пойти на неверное определение финансового капитала, аргументация оппонентов не становится убедительнее. В самом деле, я уже указывал в программной комиссии на следующее: возьмите государство пролетарской диктатуры или систему государственного капитализма в буржуазном обществе. Государство есть надстройка, но государство регулирует и процесс производства. Говорить: как может государство регулировать производство, если оно само есть надстройка, — значит ставить вопрос не по-марксистски. При таком рассуждении получается, что раз государство есть надстройка, а производство — основа, то нельзя вообще говорить о государственном капитализме. Этот аргумент явно нелеп. Производство есть базис, но существует специфическая форма, где государственная надстройка срастается с экономическими организациями. Такая оригинальная форма существует и может существовать. Так обстоит дело и при диктатуре пролетариата. Каковы характерные признаки диктатуры пролетариата? Характерной чертой диктатуры пролетариата является то, что государственная организация непосредственно связана с базисом общества, с производством, причем экономические организации являются составной частью государственного аппарата. Таким образом «вторичное» (надстройка) регулирует «первичное» (базис) — и ничего ужасного в этом нет. Следовательно, весь аргумент о «невозможности» регулирующей роли банков тем самым падает.

Теперь о третьем аргументе. Говорят: теперь положение таково, что тресты или промышленные предприятия вообще нередко финансируют друг друга, имеют собственные банки и пр. Но этот аргумент говорит не против, а за нас. Что означает взаимное финансирование трестов и наличие у них собственных банков? Это говорит именно о сращивании банковского капитала с промышленным. Что означает финансирова-

ние одних трестов другими? Это означает, что они частично выполняют функцию банков, и этим лишь подчеркивается об'ективная необходимость «сращивания», а не наоборот. Прямо смешно утверждать, что финансовый капитал не играет «никакой» роли. Ведь на глазах у нас такая страна, как Германия, живет за счет американского капитала и значительно преуспевает. Все факты служат подтверждением наших положений. Это к вопросу о финансовом капитале.

О теории кризисов.

Теперь несколько слов о теории кризисов. В нашей дискуссионной литературе и в различного рода поправках, например, в замечаниях т. Тальгеймера, предлагается заменить характеристику общего кризиса капитализма, данную в программе, другой. Сущность этих предложений сводится к тому, чтобы ослабить или уничтожить момент диспропорциональности, выдвинув «общее перепроизводство». Несколько слов по этому поводу. Тов. Тальгеймер предлагает указать на перепроизводство, как на основное выражение капиталистических кризисов. Об этом, мол, в программе не сказано ни слова. Я считаю, что это утверждение не соответствует действительности. В нашей формулировке это противоречие капитализма, выражающееся в перепроизводстве, оттенено там, где мы говорим о противоречии между потребительской способностью и ростом производительных сил.

Истолковать иначе противоречие между потребительской способностью и ростом производительных сил абсолютно невозможно. Когда мы говорим о противоречии между ростом производительных сил и емкостью рынка, мы тем самым говорим об общем перепроизводстве. Быть может, у нас отсутствует это слово, но соответствующая мысль — налицо. Я ничего не имею против того, чтобы включить и упомянутые слова, но решительно отвергаю упрек в отсутствии соответствующей мысли. В сущности говоря, те товарищи, которые критикуют нашу формулировку, имеют тенденцию обойти во-

прос о диспропорции между отраслями производства и об отношении между покупательной способностью и ростом производительных сил во взаимной связи этих двух моментов.

Я не имею возможности подробно останавливаться на этом вопросе, но в программной комиссии я подробно касался его и просил бы товарищей ознакомиться с протоколом комиссии. Еще лишь несколько слов по этому вопросу. Что касается связи между противоречиями той и другой категории (противоречиями между различными отраслями производства, с одной стороны, и между производственной мощностью и потребительской способностью — с другой), то, на мой взгляд, можно и должно эти два момента объединить. Дело в том, что диспропорция между покупательной силой и ростом производительных сил и диспропорция между различными отраслями производства служат лишь выражением отсутствия плановости в капиталистическом хозяйстве. Если, например, взять государственный капитализм в западно-европейском смысле слова, то при такой системе кризисы невозможны, хотя «доля» рабочих может все время падать. Эта падающая доля учитывается планом. В анархическом капиталистическом обществе налицо момент купли-продажи, денег, рынка. Поэтому противоречие между ростом производительных сил и покупательной способностью приводит к кризисам. Диспропорция капиталистического общества в его современном виде заключается именно в несоответствии между потребительской способностью масс и ростом производительных сил, в связи с чем следует трактовать и диспропорцию между различными отраслями производства. Ибо надо помнить, что понятие диспропорции между различными отраслями производства, если рассматривать этот вопрос изолированно, вообще нелепо. Стоит отбросить проблему соотношения между покупательной способностью населения и производительными силами, как понятие пропорции или диспропорции между различными отраслями производства становится бессмысленным. Взять, например, уголь, железо, текстиль. Чем регулируется количество этих товаров? Как можно говорить о

пропорции или диспропорции между текстильной и железоделательной промышленностью, не зная количества текстильных продуктов (ибо они-то и связаны с потребительским платежеспособным спросом)? Получается бессмыслица. Все эти доводы подтверждают ту мысль, что о диспропорции между отдельными отраслями производства можно говорить лишь в теснейшей связи с соотношением между покупательной способностью и ростом производительных сил. Это последнее несоответствие служит лишь частичным выражением общего отсутствия плановости в капиталистическом обществе Так надо ставить этот вопрос. Ленин еще в 90-е годы бегло, но весьма правильно, ставил эту проблему и указывал, что несоответствие между покупательной силой и производительными силами есть лишь частичное выражение общей диспропорции капиталистического строя.

«Потребительная сила общества» и «пропорциональность различных отраслей производства» — это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные еще друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности. В самом деле, анализ реализации показал, что образование внутреннего рынка для капитализма идет не столько за счет предметов потребления, сколько за счет предметов производства. Отсюда следует, что первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления). Но отсюда, разумеется, никак не следует, что изготовление средств производства могло *развиваться совершенно независимо* от изготовления предметов потребления и *вне всякой связи с ним*». (*Ленин*, т. XI. «Заметка к вопросу о теории рынков», стр. 474, первого издания. Курсив Ленина.)

Я к этому прибавлю, что одним из моментов процесса воспроизводства является производство рабочей силы. Производство рабочей силы является процессом потребления, вернее, процесс потребления является процессом производства рабочей силы. Следовательно, противоречие между производ-

ством и потреблением есть противоречие между производством товаров и производством особого товара, рабочей силы.

Перехожу к другим вопросам, по которым шла дискуссия в наших рядах.

ПРОБЛЕМА НЭПА И «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА».

Сущность наших разногласий

В нашем проекте мы, говоря о дальнейших фазах развития и особенно о переходном периоде, должны были подробно осветить проблему нэпа и «военного коммунизма». Термин нэп в проекте программы не фигурирует. Мы не считали целесообразным употреблять его, ибо какой смысл имеет говорить о новой экономполитике, скажем, для Австралии? Это — специфически русский термин, лишенный смысла для ряда других стран. Но выдвинуть самую проблему мы должны. В этой области у нас до конгресса были разногласия как в литературе, так и в устной дискуссии. Эти разногласия касались различных частичных проблем:

1) Универсальной необходимости нэпа или политики, допускающей рыночные отношения, и т. д.

2) Вопроса о сущности нэпа.

3) Вопроса о взаимоотношении между так наз. нэпом и «военным коммунизмом».

4) И, наконец, четвертый вопрос — о сущности «военного коммунизма», как такового.

Позвольте же мне остановиться бегло на всех этих вопросах.

Прежде всего — о возможности нэпа для других стран. Некоторые товарищи полагают, что нечего и думать о необходимости в высоко развитых странах такой политики. Аргументация этих товарищей такова: в странах с высоко развитой промышленностью у пролетарской власти будут мощные экономические высоты. Силы пролетариата будут гигантскими, и он будет обладать широкой возможностью организации эконо-

мической периферии. Этим самым устанавливается возможность принципиально иной политики. Какой, мы еще не знаем точно. Будем надеяться, что не политики военного коммунизма.

Определяющий момент нэпа — рыночные отношения.

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо, однако, ответить предварительно на вопрос о сущности нэпа. Итак, в чем заключается «сущность» нэпа? В чем основа нэпа? На пленуме ЦК нашей партии этот вопрос был предметом горячих споров. На мой взгляд, определяющим моментом нэпа является существование—в той или иной мере—рыночных отношений. Это — важнейший критерий, определяющий сущность нэпа. В этом вопросе о критерии нэпа против нас выдвигают аргументы, напоминающие аргументы, приводившиеся в дискуссии о финансовом капитале. Нам говорят: в учении Маркса рыночные отношения не есть нечто первичное, а есть нечто производное. Как можно усматривать в таком случае основное в рыночных отношениях, которые служат лишь внешним выражением процесса производства? Основу, ведь, составляет производство, непосредственное производство, а не рынок, не обмен. Я считаю эту постановку вопроса неправильной. Абстрактного производства не существует. Существует или товарное производство или производство другого типа. Абстрактного производства — не натурального и не товарного, а производства «вообще» — не бывает. Рыночные отношения есть другая сторона определенного вида производства, товарного производства. Представьте себе, пожалуйста, товарное производство без товаров, товарное производство без рынка. Это невозможно. Если мы имеем дело с товарным производством, то вполне понятно, что самое существенное — это рыночные отношения. Что такое рыночные отношения? Это есть не что иное, как выражение специфических производственных отношений, характерной чертой которых является распыленный труд мелких индивидуальных, формально независимых про-

изводителей. Итак, там, где у вас нет мелких производителей, там вы совершенно спокойно можете высказываться против «нэпа», против рыночных отношений и других вещей подобного рода. Указывалось, что мы считаем характерной чертой нэпа получение рабочим своего «дохода» в виде зарплаты. Констатируя это, спрашивают: при чем здесь рынок? Разберем этот вопрос. Зарплата есть — в строгом смысле слова — категория капиталистического хозяйства (она есть не что иное, как полюс, противоположный капиталистической прибыли). Советское государство выплачивает рабочему его заработок в виде зарплаты. Однако зарплата рабочего в нашем советском государстве, строго говоря, не есть зарплата, это — иррациональная, фиктивная форма зарплаты, имеющая совершенно другое классовое содержание. Откуда взялась эта форма зарплаты? Происхождение ее вполне понятно. Она связана с наличием у нас денежного хозяйства. Но почему у нас имеется денежное хозяйство? Потому, что у нас имеются еще рыночные отношения. Почему у нас имеются еще рыночные отношения? Потому, что у нас распыленное хозяйство, огромное количество мелких производителей, которых мы не в состоянии организовать наподобие какого-либо треста. Наличие мелких производителей, которых нельзя организовать одним мановением руки и которые, несомненно, будут еще существовать на протяжении целого исторического периода, находит свое выражение в рыночных отношениях, рыночные отношения находят свое выражение в денежных отношениях, денежные отношения находят свое выражение в таких формах, как форма зарплаты. В этом разрезе любое явление может быть выведено из основного факта существования рыночных отношений, которые суть не что иное, как внешнее выражение существования мелких производителей. В этом сущность проблемы. В классовом разрезе это есть проблема взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, вопрос о методе вовлечения мелких производителей в орбиту социалистического хозяйства, это есть исторически данная проблема, которая будет еще долго существовать и разрешение которой не только в нашей стра-

не, но и в других странах займет целый период. Назовите мне, пожалуйста, такую страну, где бы не было мелких производителей или удельный вес их был бы абсолютно ничтожен? Такой страны нет. Ленин говорил, что такова, пожалуй, Англия, но и то сомнительно. Да и понятно почему: во-первых, и в Англии есть свои фермеры; во-вторых, Англия — не изолированный остров, — будучи изолированной, она не могла бы существовать. Ставя вопрос в мировом масштабе, можно спросить: неужели крестьянская периферия вокруг мирового революционного пролетариата меньше, чем вокруг пролетариата советского? Во всем мире существует огромная армия мелких производителей, и проблему отношения к ним надо ставить и разрешать в широком масштабе. Далее. Возьмите даже изолированно хотя бы такую «передовую» страну, как Северо-американские соединенные штаты, где имеется огромная армия фермеров. Трудно допустить, чтобы этих фермеров, этих мелких производителей удалось организовать одним мановением руки. Таким образом, здесь станет вопрос о сохранении рыночных отношений, о денежном хозяйстве или, вернее, рыночных формах связи индустрии с мелким хозяйством.

Но значит ли это, что об'ем и масштаб рыночных отношений остаются такими же, как в СССР? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Специфической чертой СССР является не нэп как таковой, а размеры нэпа, об'ем рыночных отношений. Если взять другую страну, где удельный вес мелких производителей не столь значителен, то там и об'ем рыночных отношений будет иной, чем в СССР. Чем более промышленно развита страна, чем более она индустриализирована, тем меньшую роль будут играть в ней рыночные отношения после взятия власти пролетариатом. В динамическом разрезе тем скорее мы сможем преодолеть нэп, т. е. преодолеть рыночные отношения на почве этих же рыночных отношений. Развитие на фоне рыночных отношений будет сопровождаться ростом всего хозяйственного механизма; об'ем рыночных отношений будет меньше, темп их исчезновения будет более быстрым, более быстрым будет и темп

социалистического развития от зародышевой формы к полноценной форме социалистического хозяйства, представляющего единый однородный организм. Этим самым разрешается, на мой взгляд, вопрос и о сущности нэпа и об его «универсальности».

О «военном коммунизме».

Остается еще вопрос о взаимоотношении между «военным коммунизмом» и нэпом. Здесь всплыли у нас различные течения. Некоторые товарищи считали, что о «военном коммунизме» необходимо говорить в первую очередь, так как это первая и необходимая фаза развития в период гражданской войны. Другие товарищи считали, что во многих странах, особенно в Европе, пролетариату придется выдержать крупнейшие и решающие сражения раньше, чем ему удастся завоевать власть, и раз так, раз главные битвы предшествуют взятию власти, то после установления диктатуры пролетариата не будет надобности в «военном коммунизме». И то и другое воззрение не обосновано. Мы не можем себе связывать руки односторонними формулировками, так как мы не знаем еще с полной определенностью, как в действительности сложатся обстоятельства. Нужен ли он будет в начале развития или в середине, или позже, — в этом отношении существуют различные возможности. Почему? Потому, что это зависит не только от разнообразных внутренних условий, но и от внешних. Здесь решающую роль может сыграть интервенция. Сочетание этих двух факторов — внутреннего и внешнего — может быть весьма различным. В России мы начали не с «военного коммунизма», а с так называемого нэпа. Затем подоспела интервенция, колоссальное обострение классовой борьбы, принявшей форму гражданской войны, — возник «военный коммунизм». А дальше последовал возврат к нэпу. Ленин на эти темы писал, и эти проблемы, думаю, для всех товарищей ясны.

Но интервенция может обрушиться и сразу. Тогда придется сразу прибегнуть к методам, характеризуемым как

«военный коммунизм». Это не значит, что все меры, применявшиеся в СССР, будут применяться и в Западной Европе и в Америке в период «военного коммунизма». Ведь мы делали и явные глупости, отнюдь не оправдывавшиеся фактом существования гражданской войны. Но ряд мер, подобных «военному коммунизму», может оказаться необходимым с самого начала. Факторы, условия могут сложиться совершенно различно и их нельзя заранее предвидеть. Мы не можем развертывать революцию, руководствуясь строгим планом. Столь крупные события не укладываются в рамки строгого «плана».

А потому формулировка вопроса о «военном коммунизме» в нашем проекте должна быть такова: при таких-то и таких-то условиях может понадобиться переход к «военному коммунизму». И больше ничего. Можно указать, что эта система вероятна при таких-то и таких-то условиях. Но обязывать все прочие партии применять сначала «военный коммунизм» или, наоборот, — совершенно невозможно. Поэтому я считаю, что мы должны оставить в силе формулировку, данную в проекте программы, пожалуй, резче подчеркнув вероятность этой формы при известных условиях. Не надо связывать себе рук, не зная хорошенько, что нас ждет впереди.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ФАШИЗМ.

У нас был целый ряд разногласий (должен заметить, что в своем докладе я касаюсь не работы программной комиссии, — ей было бы целесообразно посвятить специальный доклад, — а говорю о предварительных стадиях нашей дискуссии и касаюсь лишь некоторых пунктов, затронутых в программной комиссии конгресса) в связи с вопросом о социал-демократии и фашизме.

Одно из отличий данного проекта от прошлого заключается в более подробном освещении роли социал-демократических партий. Вам должно быть ясно, почему мы подробно коснулись роли социал-демократии. Социал-демократия тоже эволюционировала как в политике, так и в теории.

В рядах социал-демократии произошла крупная передвижка. начав с измены социализму в 1914 г., социал-демократия докатилась до такой степени предательства, что мы сочли необходимым более или менее подробно описать этот процесс. Социал-демократия дегенерировала и в теоретическом отношении. Она утратила все следы марксизма. Руководящую роль играют такие люди, как Макдональд. Свою духовную пищу социал-демократия теперь получает от чисто буржуазных экономистов; эта пища несколько перерабатывается, приправляется марксистской фразеологией в немецких секциях II Интернационала и в таком виде преподносится массам; что касается англосаксонских стран, то они принимают этот корм в сыром виде и проглатывают его, не перерабатывая в фабрикат. (Смех.) Все эти обстоятельства необходимо было в нашем проекте отметить, уделив специальное внимание роли «левой» социал-демократии. Мы должны были суммировать весь приобретенный здесь опыт — в революцию 1923 г. в Германии, во время венского восстания, в период английской всеобщей стачки. Из всех этих событий рабочее движение почерпнуло колоссальный опыт, в этих событиях ярко сказалась роль так называемого «левого» крыла реформизма. Все это надо было об'единить, обобщить, проанализировать и поставить на свое место. В силу этого в проекте дано об'яснение и этого рода явлениям.

Затем о фашизме. Я позволю себе подробно проанализировать специфическую проблему фашизма и социал-демократии и их взаимоотношений в заключительном слове или в докладе от имени комиссии. У нас в программной комиссии были весьма подробные и, на мой взгляд, весьма интересные прения по этому вопросу, и я постараюсь еще этот вопрос осветить. Здесь хочу лишь отметить, что по сравнению с прежним проектом мы постарались поставить эту проблему шире и разрешить ее гораздо полнее.

Заключительная глава проекта программы о стратегии и тактике значительно изменена. Внесен специальный раздел, посвященный различным идеологическим течениям в рабочем

движении. Мы дали характеристику враждебным нам течениям среди пролетариата колоний, так называемому «революционному» синдикализму и некоторым специфическим формам английского реформизма, оказавшим довольно сильное влияние на европейский реформизм, вообще (например «гильдейский социализм»). Говорят, это безделица, величина, которой можно пренебречь. Но я должен отметить, что эта «величина» возрождается в произведениях германских социал-демократов. То же можно сказать и о дребедени, «автором» которой является Макдональд, — о «конструктивном социализме». Мы должны были упомянуть и о гандизме и о сун-ят-сенизме. Пожалуй, будет целесообразнее несколько подробнее остановиться на этом в конце наших прений.

Таким образом попытка обрисовки различных течений в реформистском движении есть нечто новое, так сказать, «принципиально новое». Я полагаю, что эту попытку, хотя бы она была не особенно блестящей, принципиально надо принять. Быть может надо здесь кое-что исправить, но это уже другое дело.

Таковы мои основные замечания к программе. Повторяю, я не затронул целого ряда весьма существенных, кардинальных вопросов, потому что они освещались в прежних докладах.

ПРИНЯТИЕ ПРОГРАММЫ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА КОНГРЕССА.

В заключение мне хотелось бы сказать пару слов по поводу общего духа нашей программы. После троекратного обсуждения нашей программы мы, на мой взгляд, должны приложить все усилия, чтобы добиться окончательного принятия ее на этом конгрессе.

Разумеется, мы не можем сказать, что наша программа идеальна на все 100 процентов. Разумеется, если мы еще пару лет будем подчищать наш проект программы, у нас будет нечто лучшее. Но мы живем не в такие времена, чтобы квалифицированные силы Коминтерна могли, сидя в кабинете, на протяжении ряда лет отшлифовывать проект программы. Кро-

ме того много ли программных дискуссий было у нас в партиях после V конгресса? После выработки первого проекта их было очень мало. Все слишком заняты, темп развития слишком быстр, новые задачи вырастают с такой головокружительной быстротой, история движется столь лихорадочным темпом, что мы не можем разрешить себе роскошь спокойного исследования каждого термина и каждого словечка. Вновь и вновь оттягивать это дело — значит класть его под сукно. На других конгрессах, на других пленумах картина будет та же. Лучше посидеть здесь подольше и принять текст программы с разного рода поправками — стилистическими, редакционными и деловыми. Мы не можем дальше итти вперед, не начертав для себя программы. Все партии чувствуют, что производительность наша в идеологической области недостаточна. Выработать документ, где бы все основные проблемы международного движения освещались в правильной пропорции, весьма трудно. Но после троекратного обсуждения вопроса (на IV, V и VI конгрессах Коминтерна) пора окончательно принять программу. В нашей грандиозной борьбе, в борьбе многих и многих миллионов, в борьбе промышленного пролетариата Европы и Америки, в борьбе пролетариата СССР, в борьбе колониальных рабочих и идущего за рабочим классом колониального крестьянства — программа будет знаменем, коммунистическим знаменем, боевым кличем, надежной путеводной звездой. Положение неуклонно обостряется. Опасность войны — не пустые слова, а грозная действительность. За нами действительно идут теперь миллионы. События требуют от нас большой сплоченности. Программа будет для нас маяком, она будет лучшей помощью всем нашим секциям. Сомкнутым строем мы пойдем под знаменем коммунизма с нашим старым боевым кличем, и наша программа сыграет величайшую роль в мировой революции, в борьбе за победу мирового пролетариата, мировой диктатуры пролетариата, мирового коммунизма.

Да здравствует мировой коммунизм!

(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

1. ИМПЕРИАЛИСТСКИЕ ПОДГОЛОСКИ О ПРОГРАММЕ КОМИНТЕРНА.

Кто защищает единство и кто раскалывает рабочее движение.

Товарищи! Позвольте мне, прежде всего, остановиться на том, как реагировали империалистические и социал-демократические противники коммунизма на проект программы Коминтерна. Меньшевик Абрамович поместил в «Социалистическом вестнике», выходящем в Берлине, две большие статьи под заглавием «Программа войны и раскола рабочего класса», статьи, содержащие ряд гнусных инсинуаций по адресу коммунизма. Эти статьи достаточно уже характеризуют тот уголовно-полицейский лексикон, к которому прибегает Абрамович, утверждая, что коммунизм отнюдь не отступит перед применением «яда и кинжала» и т. д. На этих статьях я остановлюсь еще ниже. По поводу нашей программы высказался и Отто Бауэр, который в своей статье «Брюссель — Москва», напечатанной в брюссельской газете «Ле Пепль», между прочим заявляет:

«Если московский конгресс более чем когда-либо направляет сейчас свои усилия в сторону раскола международного рабочего класса, то брюссельский конгресс должен взять на себя задачу призвать эксплоатируемых всех стран к единению в борьбе против империализма, войны и иностранного владычества».

Итак, Отто Бауэр уверяет, будто брюссельский конгресс социал-империалистов ратоборствует за единство рабочего

класса с колониальными народами, в то время как наш, коммунистический конгресс, есть конгресс «раскола рабочих рядов». Опровергнуть это циничное утверждение, на мой взгляд, не представляет большого труда. Стоит учесть хотя бы самые последние события в рабочем движении, чтобы увидеть, кто же в настоящее время отстаивает идею единства мирового пролетариата и кто, в угоду капиталистам, раскалывает ряды рабочего класса. Кто исключает коммунистов из профсоюзов в Англии, Германии и в других странах, кто об'явил вкупе с предпринимателями поход против коммунистических рабочих, как не реформисты? Разве тактический поворот, предпринятый Исполкомом Коминтерна и теперь одобренный конгрессом, не вызван, в первую очередь, тем, что верхушки реформистских организаций, партий и профсоюзов все более сращиваются с капиталистическими организациями и все глубже раскалывают рабочее движение? Тенденция к расколу рабочих рядов, и, в первую очередь, профсоюзов, особенно характерна сейчас для политики реформистов почти всех стран. Реформистские вожди, вожди социал-демократии и профсоюзов, лидеры Амстердамского и II Интернационала борются против самой идеи международного единства профсоюзов. Совершенно ясно, в интересах какого класса реформистские вожди проводят эту политику раскола профсоюзов. В одном из последних номеров журнала «Работодатель», выпускаемого об'единением германских предпринимателей, напечатана большая статья, посвященная нашей программе. Статья называется «Программа Коммунистического Интернационала» и дает весьма характерную оценку проекта:

«Для некоммунистического мира программа является интересным документом эпохи и в то же время ценным ключом к пониманию политических, экономических и социальных сил, с которыми нам придется столкнуться в ближайшее время. Коммунистический Интернационал есть инстанция, стоящая над всеми коммунистическими национальными секциями, а следовательно, и над коммунистической партией Германии. Поэтому программа Коммунистического Интернационала является

такой программой, в рамки которой должна уложиться и программа коммунистической партии Германии. Коммунистический Интернационал дает директивы и в области профсоюзной политики, а затем уже Красный Профинтерн разрабатывает конкретно эти директивы. Те рабочие коммунисты, которые принадлежат к организациям, примыкающим не к Красному Профинтерну, а ко II (Амстердамскому) Интернационалу профсоюзов, должны также придерживаться принципов, устанавливаемых в программе Коммунистического Интернационала. Таким образом эта программа становится обязательной инструкцией для руководящих оппозиционных групп в свободных профсоюзах, и практическое ее значение для внутреннего экономического мира в буржуазных, частнохозяйственных странах вряд ли может быть оценено недостаточно высоко. Поэтому не только интересно, но и необходимо каждому предпринимателю и руководителю об'единения ознакомиться с важнейшими положениями программы Коммунистического Интернационала».

Как видите, наша программа пользуется большим вниманием и в кругах предпринимателей. Но я привел цитату не в связи с этим. Характерно то, в чем германские предприниматели усматривают главную опасность для себя. Главную опасность они усматривают в работе коммунистов в профсоюзах, и приведенная мною выдержка означает, в сущности, приказ реформистским лидерам исключать наших товарищей по партии и вообще оппозицию из свободных профсоюзов. Именно такой смысл имеет оценка, даваемая предпринимателями нашей программе. И вся практика последних лет показывает, что реформистские лидеры профсоюзов и социал-демократические вожди рука об руку с предпринимателями работают над искоренением коммунистической «крамолы» из предприятий и профсоюзов. Надо дойти до грани цинизма, чтобы упрекать коммунистов в раскалывании рядов рабочего класса.

Если мы поставим теперь второй вопрос, а именно вопрос о единстве между промышленным пролета-

риатом монополистических стран и угнетенными классами колониального мира, то мы без труда можем констатировать, что и здесь социал-демократия является носителем раскола.

Если мы проанализируем резолюцию брюссельского конгресса II Интернационала по колониальному вопросу, то мы увидим, что под ней могло бы подписаться любое империалистическое правительство. Между колониальной политикой реформистов и империалистов нет почти никакой принципиальной разницы. Разве не об этом говорят протесты колониальных гостей на конгрессе II Интернационала? Разве не империалистской установкой реформистов в колониальном вопросе вызваны многочисленные протесты, которые раздаются из антиимпериалистической лиги против позиции II Интернационала в колониальном вопросе? Ведь именно теперь, когда китайская буржуазия стала кровавым палачом рабочего класса Китая, именно теперь, а не прежде, не в период «северного похода», II Интернационал пригласил гоминдан, эту партию душителей и вешателей, на свой конгресс; это ярче всего говорит о том, что II Интернационал есть та сила, которая в интересах империалистов вносит раскол между промышленным пролетариатом метрополий и угнетенными классами колониальных стран. Да, действительно, II Интернационал олицетворяет собою идею «единства», но единства особого, единства некоторых слоев рабочего класса и рабочей аристократии с империализмом против революционных рабочих вообще, рабочих и крестьян колоний в частности. Против такого единства Коммунистический Интернационал боролся и будет бороться не на живот, а на смерть.

Глупенькая болтовня Абрамовичей и свидетельство Бьюкенена.

Если мы захотим проанализировать третью большую проблему, проблему войны, если мы захотим ответить на провокационные обвинения нас в том, что пролетарское госу-

дарство есть будто бы «поджигатель» мировой войны, что Коминтерн есть сила, «разжигающая» войну, и что программа КИ означает «провокацию войны», — эти люди так наглы, что смеют утверждать подобные вещи, — то будет лучше всего сопоставить то, что пишут о нас социал-демократы, с некоторыми документами прошлого. Господин Абрамович в № 15 «Социалистического вестника» пишет следующее:

«Рискуя навлечь на себя коммунистический гнев, мы должны заявить: да, буржуазия Европы в сто крат больше *дрожит перед реальной необходимостью передачи части государственной власти в руки коалирующейся с ней социал-демократии*, чем перед бутафорскими громами «коммунистической революции». Ибо первое есть реальность, немедленно претворяющаяся в действительность, непосредственно *проявляющаяся в целом ряде политических и экономических уступок*, которые необходимо сейчас же, сегодня же сделать широким рабочим массам, между тем, как весь Коминтерн с его пропагандой и с его революционными перспективами есть нечто, что, *может быть, придет, а может быть, и нет*; *«после дождичка в четверг»*, *зато сейчас всю полноту власти* оставляет в руках буржуазии».

Итак, коалиция социал-демократов с буржуазией означает «передачу части власти рабочему классу» (!), и в этом заключается «заслуга» социал-демократических партий, в то время как Коминтерн до такой степени «оппортунистичен», что «оставляет власть в руках буржуазии». Господин Абрамович не стыдится развивать такого рода глупенькую и смехотворную аргументацию и сознательно ставить ее в связи с проблемой войны!

Товарищи! Перелистывая мемуары Джорджа Бьюкенена, бывшего английского посла в Петербурге, я нашел там довольно интересные иллюстрации к «остроумным» статьям Абра-

мовича. Бьюкенен, этот опытный английский политический деятель, бывший английский посол в России в 1917 г., характеризует роль вождей социал-демократии, лидеров рабочей партии во время прошлой империалистической войны и описывает механику этой самой «передачи части власти» «в руки рабочего класса»; можно только рекомендовать издание таких книг, документов, мемуаров издательству Коминтерна. Разрешите мне огласить несколько отрывков из этих мемуаров. Бьюкенен сначала говорит о русском меньшевизме.

> «Имя Церетелли (вождь меньшевиков в 1917 г., теперешний союзник Каутского. — *Н. Б.*) было соединено с моим, что было довольно удивительно, если принять во внимание его биографию, и нас изображали главными деятелями названного движения. Это обвинение, несомненно, возникло вследствие того, что мы вели активную союзническую пропаганду в пользу войны с целью разоблачения германской лжи».

Расстановка сил в 1917 г. была, как вы видите, совершенно ясна: вождь меньшевиков совместно с лордом Бьюкененом, представителем английского империализма, ведут активную союзническую пропаганду в пользу войны, они вместе разоблачают «германскую ложь».

Но не менее интересно, как возникла миссия Гендерсона в Петербурге. Бьюкенен пишет в своих мемуарах:

> «24 мая я получил телеграмму от лорда Роберта Сесиля, исполнявшего тогда обязанности министра иностранных дел, с извещением о том, что военный кабинет считает необходимым создать более благожелательное отношение русских социалистов и рабочих к войне и рассеять ложное впечатление, создавшееся в России относительно наших целей. Сознавая, что вождями рабочей партии это может быть выполнено с большей надеждой на успех, чем

кем бы то ни было другим, кабинет решил командировать г. Гендерсона со специальной миссией». (Смех.)

Видите теперь, в чем заключается эта «передача власти». Империалистические мясники снабжают частью своей власти Гендерсонов, которые должны вербовать русских социалистов и рабочих для продолжения империалистической бойни.

Вы знаете хорошо, что Гендерсон имел большой успех среди русских меньшевиков в выполнении своей миссии, миссии человека, облеченного властью империалистического агитатора империи британского короля. Ему только здорово не повезло среди русских рабочих. (Смех.) На следующей странице мемуаров фигурирует уже не один Церетелли и Гендерсон, а целый букет представителей II Интернационала, почти весь цвет верхушки II Интернационала. Эту главу можно бы назвать: «Вожди II Интернационала за работой», за работой по «завоеванию политической власти пролетариатом», по «организации борьбы против империалистической войны»:

> «На следующий день Гендерсон обедал у нас вместе с князем Львовым и Терещенко. Среди прочих гостей находились бельгийский министр-социалист Вандервельде и французский министр снабжения Альбер Тома, принявший на себя обязанности посла по от'езде Палеолога. В течение двух месяцев, проведенных им в России, Тома не только пытался убедить министра (Керенского. — *Н. Б.)* в необходимости твердости в отношении внутреннего положения, но и старался с помощью своего страстного красноречия поднять воодушевление народа по отношению к войне». (Смех.)

«Социалист» Тома убеждал «социалиста» Керенского держать себя «твердо» внутри страны. Тома инструктировал Керенского решительно подавлять всякое сопротивление рабочих масс против продолжения империалистической бойни. Тома был

идейным отцом попыток контрреволюционного подавления петербургских рабочих.

Все это очень интересно и с точки зрения личной жизни этих господ. А далее говорится:

> «В Петрограде, и в Москве, и на фронте он (Тома. — *Н. Б.*) выступал на многочисленных митингах солдат и рабочих, и не его вина, что семя, которое он сеял, падало на бесплодную почву. Мы были всегда рады видеть его уже потому, что все его существо дышало жизнерадостностью и не давало нам впасть в уныние». (Громкий смех.)
>
> «Разговаривая со мной после обеда, он спросил: «Что бы вы сказали, если бы услышали несколько лет тому назад, что я и два других социалиста будем некогда гостями за вашим столом?». — «Одна уже мысль о такого рода вещи испугала бы меня, — ответил я. — Но война изменила все это, и теперь мы все «товарищи». (Продолжительный смех всего зала.)

Товарищи! О чем говорят в действительности все эти «курьезные» места? Они должны свидетельствовать, повидимому, о том, что эти господа «борются» против войны. Мы-то, никудышные, конечно, «за войну», а вот II Интернационал с Вандервельде, Гендерсонами и Тома во главе — они гораздо лучше нас ведут борьбу против войны. Вожди II Интернационала «дышат жизнерадостностью», они-то уж не впадают в «пессимизм»! Вот эти министры были и есть, видно, настоящие носители правительственной власти, находящейся «в руках пролетариата»! Надо действительно быть ограниченнейшим глупцом, чтобы не постигнуть функциональной роли этих господ. Бьюкенен прекрасно изображает их «борьбу» против войны, когда он пишет, что ни одно лицо, ни одна власть, ни одна группа не были в состоянии так

хорошо выполнить роль пропагандистов империалистической войны, **как лидеры II Интернационала**. То же самое можно показать и в отношении германской социал-демократии. Имеются различные документы и мемуары, повествующие о том, что делали Эберт и прочие лидеры, что делали Мюллер, Парвус и весь ЦК германской социал-демократии, как **они** «боролись» против войны. Так стоял вопрос во время первой империалистической войны.

Социал-демократия на службе империалистической войны.

Ну, а теперь? Разве позиция социал-демократов изменилась к лучшему? Разве изменилась их теория? Разве аннулирован тезис о «защите отечества»? Напротив, теперь эта теория еще развивается глубже и принимает в вопросе о войне еще более гнусную форму. Разве Каутский, который проповедует сейчас контрреволюционные восстания против СССР, осмелился бы прежде делать что-нибудь подобное? Разве выступления Гильфердинга по вопросам внешней политики, в которых он теоретически обосновывает необходимость сокрушения СССР об'единенными силами империалистов, разве он в состоянии был прежде говорить так, как теперь? Гендерсон и разные другие интимные союзники Бьюкененов стали теперь **подлее** прежнего. Никогда еще мы не были свидетелями таких мерзостей со стороны социал-демократии, как теперь. И эти люди смеют говорить, что они ведут борьбу против войны! Это ведь ничего общего с правдой не имеет. Притом эти люди говорят о «провокации войны» с нашей стороны и видят ее в том, что **мы предупреждаем мировой пролетариат растущей опасности войны**, в том, что мы говорим правду рабочему классу, показывая ему, что война неизбежна, что буржуазия подготовляет новую империалистическую войну. Тот же Абрамович, например, в своей первой статье занимает вполне определенную позицию в вопросе об опасности войны против СССР. Вот послушайте, что он пишет:

«Нам придется в другой связи остановиться на этой своеобразной «мании величия» большевиков, пытающихся (серьезно ли?) уверить себя и других, что «весь капиталистический мир дрожит перед грозным призраком пролетариата, глядящим на них из исторического опыта СССР»; что все капиталистические государства только спят и видят, как бы пойти походом на страну пролетарской диктатуры.

Увы, эти героические времена давно прошли. Капиталистический мир совершенно «спокойно спит», несмотря на все сногсшибательные успехи СССР и всю «коммунистическую пропаганду».

В этих словах заключается немалое различие между нами и социал-демократией в вопросе об опасности войны. Мы говорим, что буржуазия усиленно, лихорадочно готовится к войне. Социал-демократические же теоретики говорят, что капиталистический мир «погрузился в сон». Если мы говорим: капиталистический мир отнюдь не спит, он не только бодрствует, но он всеми силами, со всей энергией и в техническом, и в военном, и в дипломатическом, и даже в экономическом отношении готовится к войне, — тогда эти господа заявляют, что мы «провоцируем» войну! Что у нас может быть общего с такими людьми, с людьми, которые считают, что причина войны заключается не в социальной и экономической борьбе между империалистическими государствами, которые все делают, чтобы замаскировать эту борьбу, чтобы отвлечь внимание рабочих от фактов бешеного вооружения буржуазии, от ее дипломатической подготовки и от исторической неизбежности при этих условиях новой мировой войны!

Я думаю, что если проанализировать эти два вопроса — вопрос о расколе рабочего класса, в особенности, о расколе профсоюзов, и вопрос о борьбе против войны, то мы со спокойной совестью можем сказать: наша программа есть программа борьбы

против империалистической войны, наша программа есть программа классового единства пролетариата. И потому мы против единства с буржуазией, и потому мы против социал-демократии, и потому мы— за диктатуру пролетариата. Я думаю, что мы, закончив нашу работу, должны будем в каждой стране максимально усилить разоблачение неслыханной лжи социал-демократии и делать это важнейшее дело конкретно, живо, в такой форме, которая доступна самым отсталым слоям рабочего класса. Мы должны всемерно разоблачать эту ложь, исходящую от социал-демократии, повести против этой лжи систематическую борьбу. Вот, товарищи, замечания, которые я вынужден был сделать по поводу буржуазных и социал-демократических откликов на нашу программу.

2. О ВВЕДЕНИИ. МАРКСОВА ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА КОМИНТЕРНА.

Мы проделали уже половину работы в нашей программной комиссии, т. е. мы закончили общую дискуссию. Должен сказать, что впервые на конгрессе Коммунистического Интернационала и вообще впервые при обсуждении программы имела место такая оживленная дискуссия. Никогда у нас не вносилось столько поправок, предложений об улучшении, никогда не было высказано столько критических мыслей, как на этот раз. Мы обсудили ряд проблем. Если не останавливаться на отдельных частичных поправках, а упомянуть лишь о проблемах, подвергавшихся обсуждению, то надо будет отметить, что мы коснулись в программной комиссии более 100 вопросов. Разумеется, невозможно дать конгрессу отчет обо всех этих вопросах. Несмотря на исключительное значение работы программной комиссии, я вынужден все же говорить только о наиболее важных проблемах.

Прежде всего, по вопросу о введении. У некоторых товарищей замечалась тенденция вообще опустить, вычеркнуть

введение. В дискуссии по программе на пленуме конгресса товарищи высказались за то, чтобы оставить введение. Я думаю, что действительно лучше, если такое введение у нас будет. Во введении мы устанавливаем историческую преемственность наших революционных традиций, показываем, как исторически возник Коминтерн. Наши противники очень умно это подметили. Журнал «Работодатель», например, пишет о нашей программе:

> «В программе Коммунистического Интернационала сделана весьма ловкая попытка использовать все эмоциональные факторы, которые могли бы сыграть роль в пропаганде среди масс. Это особенно сказывается в ссылке на признанные социал-демократические авторитеты. II Интернационал не изображается как организация сама по себе плохая и еретическая, а лишь выродившаяся и обанкротившаяся в период мировой войны в 1914—1918 гг. по вине оппортунистических вождей».

Я, разумеется, не буду настаивать на правильности каждого из этих слов, но, по-моему, со стороны нашего буржуазного противника очень умно, что он так оценивает введение к нашей программе. Мы отнюдь не хотим порвать со старыми хорошими революционными традициями; наследие Маркса и Энгельса есть наследие наше, а не социал-демократических партий.

Я хотел бы поправить здесь один, мне думается — невольный, ляпсус во вчерашней речи т. Денгеля. Тов. Денгель между прочим, сказал, обсуждая вопрос о введении:

> «...Ленинизм, представляющий развитие и дополнение марксизма, дает нам в руки конкретную путеводную нить, направляющую наши действия».

Разумеется, в намерение т. Денгеля не входило противопоставлять ленинизм марксизму, но слово «дополнение» может дать повод к неправильному толкованию мысли т. Денгеля. Что-нибудь дополнять значит внести нечто принципиально новое. Когда мы боролись против различ-

ного рода попыток «дополнить» марксизм, то мы расценивали эти дополнения так, что к марксистскому комплексу идей добавляется нечто не-марксистское. Такого дополнения у Ленина, конечно, не было, и лучше выражаться так, как это и делает т. Денгель в той же фразе, говоря о «дальнейшем развитии» марксизма.

Этот вопрос имеет довольно крупное значение и с теоретической и с практической точки зрения. Нас, коммунистов, обвиняют в антимарксистском «новаторстве». Мы решительно отвергаем такого рода обвинение. Во всей нашей теории, во всем учении Ленина нет ни единого атома, который противоречил бы марксизму. Я постараюсь это осветить. Что разумеем мы под словом «марксизм»? Под марксизмом можно разуметь различного рода вещи. Можно разуметь под этим сумму идей, конкретных идей, высказанных Марксом, т. е. все, что Марксом написано и органически увязано в его учении. С этой точки зрения могут сказать, что каждое новое положение, например марксистский анализ таких новейших явлений, как трестовский капитал, не есть марксизм. Однако, такое понимание марксизма неправильно. Марксизм вовсе не ограничивается определенным количеством добытых положений. Это — революционное мировоззрение и в то же время метод исследования С помощью этого метода мы можем анализировать различные явления. Если мы даем марксистский анализ таких проблем, как проблема империализма, если мы правильно применяем марксистский метод, то это есть выработка новых идей, новых мыслей, в том числе и теоретического характера. Но эта духовная продукция отнюдь не есть дополнение марксизма, это — новые марксистские положения, это становится немедля неот'емлемой частью марксизма. Поэтому я осмеливаюсь утверждать, что мы не добавили к марксистской системе ни единого немарксистского атома — мы проработали новые факты, новые явления с точки зрения марксизма, и этим обогатили сокровищницу марксизма, развили его теорию и пр. и пр. В этом вопросе о нашем отношении к марксизму нельзя итти на какие бы то ни было уступки социал-демократи-

ческим теоретикам, утверждающим, что в большевистском марксизме имеются «посторонние», «немарксистские» элементы, не то «бакунистского», не то «марксистско-азиатского» происхождения, но не подлинно марксистского. Как раз наоборот: именно потому ленинизм обогатил марксизм, что ленинизм есть наиортодоксальнейший марксизм в мире. Так надо ставить вопрос. Не сомневаюсь, что и т. Денгель, выдвигая свое положение, тоже мыслил так, а не иначе.

Мы анализируем все явления с марксистской точки зрения; притом есть очень много новых явлений, которые Маркс не мог проанализировать по той простой причине, что этих явлений в его пору еще не существовало. Проблема империализма, проблема переходного периода в столь конкретной постановке, как она ставится сейчас, проблема нового типа государства — советского государства и пр., — многие и многие проблемы, которые мы теперь анализируем, не стояли перед Марксом столь конкретно.

3. К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОМ КАПИТАЛЕ.

Невольная защита довоенного Гильфердинга.

Первые споры в программной комиссии возникли при анализе промышленного капитализма и капитализма вообще. Спор шел вокруг проблемы кризисов. Этот вопрос я осветил в своем докладе и поэтому снова на нем останавливаться не буду. Второй вопрос, вызвавший дискуссию, это — проблема финансового капитала. Я не останавливался бы и на этой проблеме, но выступление т. Султан-Заде на пленуме конгресса вынуждает меня встать на защиту «бедного» Гильфердинга; помешать этому не могут даже наши дружественные отношения с т. Султан-Заде. (Смех.) Предварительно о понятии «финансовый капитал». Тов. Султан-Заде привел цитату из одной новейшей с.-д. резолюции, где говорится об об'единении промышленного капитала, торгового капитала и банкового капитала, и заявил, что это уже совсем не то, что было у Гильфердинга раньше.

Раньше-де было господство банкового капитала над промышленным, а теперь об'единение, да еще трех (а не двух) форм капитала. Правильно ли это? Обратимся к тому, что писал Гильфердинг в своей книге. В 5 отделе в самом начале говорится следующее:

> «Финансовый капитал знаменует унификацию капитала. Ранее раздельные сферы промышленного, торгового и банкового капитала поставлены теперь под руководство финансовой аристократии, которая об'единяет в тесной персональной унии господ промышленности и банков». (Рудольф Гильфердинг. «Финансовый капитал». Петербург 1918 г., стр. 438.)

Вот вам формулировка триединства торгового, банкового и промышленного капитала.

В книге, написанной мной в начале войны «Мировое хозяйство и империализм», я касаюсь этих процессов и тоже говорю о взаимном сращении промышленного и банкового капитала. Тов. Султан-Заде, в сущности говоря, полемизирует здесь не с Гильфердингом, а со мной. Какова точка зрения Ленина в этом вопросе? В книге Ленина об империализме имеется особая глава, озаглавленная «Банки и их новая роль». В этой главе т. Ленин говорит как раз то же, что указываем и мы здесь:

> «Получается, с одной стороны, все большее слияние или, как удачно выразился Н. И. Бухарин, сращивание банкового и промышленного капиталов, а с другой стороны — перерастание банков в учреждения поистине «универсального типа». («Империализм как новейший этап». Ленин, т. XIII, стр. 268.)

Но т. Султан-Заде, полемизируя против сращения, Ленина не касается. Однако, Ленин высказывается по этому поводу совершенно ясно. Он дает оценку гильфердинговской книге. В третьем разделе, озаглавленном «Финансовый капитал и финансовая олигархия», т. Ленин сначала приводит следующую цитату из Гильфердинга:

«Все возрастающая часть промышленного капитала, — пишет Гильфердинг, — не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банков, которые представляют по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей степени становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал — следовательно, капитал в денежной форме, — который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом. Финансовый капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками».

А затем Ленин пишет:

«Это определение неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно: рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии. Но во всем изложении Гильфердинга вообще, в частности в обеих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль капиталистических монополий.

Концентрация производства, монополии, вырастающие из нее, слияние или сращивание банков с промышленностью, — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия».

Ленин, как вы видите, дает как раз то определение, которое служит об'ектом нападок со стороны т. Султан-Заде. И это определение по существу правильно. Возражая против этого определения и указывая, что такое взаимоотношение между промышленным и банковым капиталом вообще невозможно, т. Султан-Заде полемизирует и с Лениным. Можно, конечно, это считать неубедительным аргументом. Ошибочные

места могут быть — теоретически говоря — и у Ленина. Но это надо доказать, чего тов. Султан-Заде не мог сделать.

То, что я беру в этом вопросе под защиту «довоенного» Гильфердинга, еще далеко не означает, что в его книге все правильно. У Гильфердинга имеется целый ряд совершенно ошибочных положений и теорий, в том числе и в «Финансовом капитале»; так, например, ошибочна, на мой взгляд, вся его теория денег. В связи с этим имеется целый ряд ошибочных мест и в теории стоимости. Этим обусловлен и целый ряд неправильных выводов. В теории денежного обращения, бумажных денег и пр. делаются совершенно неверные выводы. Но там, где Гильфердинг не делает ошибок, он прав, ничего с этим не поделаешь. Тов. Султан-Заде совершенно упустил момент сращения различных видов капитала, выражающийся и в персональной унии. Гильфердинг этот момент выявил. Я поступил точно так же, Ленин тоже подчеркивал момент персональной унии. Где вы, тов. Султан-Заде, даете анализ этой проблемы? Вы ее не анализировали.

Тов. Султан-Заде пытался подкрепить свою точку зрения ссылкой на Стиннеса. Но этот пример очень неудачен, ибо предприятие Стиннеса было своеобразной экономической формой в специфический отрезок инфляционного периода.

(Султан-Заде с места: Форд, Форд!)

Хорошо, но есть и Морган, есть и Рокфеллер. Скажите, они представители банкового или промышленного капитала?

(Султан-Заде: Промышленного капитала!)

Но, я думаю, вам известно, что это вместе с тем две крупнейших в мире группы банкового капитала. В мире существует две крупнейших и известнейших банковых группы с Рокфеллером и с Морганом во главе. Они являются одновременно представителями и банкового и промышленного капитала. Вы ссылаетесь в доказательство своей теории на Стиннеса. Но вы забываете два гораздо более ярких, гораздо более типичных примера — Рокфеллера и Моргана.

Остальные аргументы т. Султан-Заде.

Тов. Султан-Заде выдвигал еще один «аргумент». В докладе я упустил ответить на него. Тов. Султан-Заде говорит: Гильфердинг был министром финансов, но он не попытался завоевать банки, а если бы он их завоевал, результаты получились бы совершенно оригинальные. То обстоятельство, что Гильфердинг не пытался осуществить социализацию, не имеет ничего общего с этими теоретическими вопросами. Если бы он даже и стоял на почве вашей теории и отбросил всю свою теорию финансового капитала, то, несмотря на это, он все равно социализацию не проводил бы ни в отношении банков, ни в отношении промышленности. Почему? Да потому, что он социал-демократ. Но никто не защищает положение о возможности немедленно подчинить себе всю промышленность путем «завоевания банков», так как эта теория неправильна. Может, это будет нескромно, но должен сказать, что я проанализировал эту проблему первым. В этом вы можете убедиться из литературы. На основании ряда теоретических посылок я доказывал, что захватить банки еще не значит завоевать промышленность, хотя бы этих банков было всего только 6 или 12 во всей стране — все равно, потому что экономические нити, соединяющие промышленность и банки, это — нити кредита, специфические отношения финансирования и пр. Но в момент, когда вы завоевываете банки, — ведь это период пролетарской революции, — нити эти оказываются порванными. Забирая банки, вы получаете дома, бухгалтерские книги и разного рода другие бумаги, акции и пр. Но так как книги кредита порваны, — своим революционным выступлением вы их уже дезорганизовали, — то «завоевание» банков еще не дает возможности захватить промышленность. Но это — проблема совершенно иного порядка.

Тов. Султан-Заде привел следующий аргумент: он указал, что банковский капитал вообще не может играть руководящей роли, так как он относится к сфере обращения; он — производный фактор, тогда как первичный фактор — произ-

водство. В программной комиссии я условно пошел на теоретическую уступку т. Султан-Заде. Маневрируя против него, я сказал: допустим теоретически, что вы правы в отношении понятия «финансовый капитал», что финансовый капитал не есть продукт сращения, синтеза промышленного и банкового капитала, а что финансовый капитал есть капитал банковый и ничего больше. Но и в этом случае, — сказал я, — ваша аргументация ошибочна, так как она слишком упрощена. Вы говорите: правильно положение, что производство есть нечто первичное, а обращение нечто производное, поэтому производное не может господствовать над первичным. Я возражал: возьмите госкапиталистический строй; государство есть нечто производное, но в действительности оно при госкапитализме регулирует и весь процесс производства. На это т. Султан-Заде в своей вчерашней речи отвечал: «Это — две совершенно различные вещи; государство есть нечто совершенно иное, это надстройка, тогда как банковый капитал есть как-никак часть капитала, а одна часть не может господствовать над другой частью».

Хорошо. Но это уже другая аргументация; приводя ее, вы, т. Султан-Заде, впадаете в противоречие с самим собой. А разве промышленный капитал не есть часть капитала в целом? Он тоже часть. Итак, вы выдвигали два аргумента. Вначале вы выдвинули один, я опроверг его ссылкой на госкапитализм; тогда вы выдвинули другой аргумент, указав, что одна часть не может господствовать над другой. Но, согласно вашей теории, одна часть — промышленный капитал — может господствовать над другой частью — банковым капиталом. Таким образом, этот аргумент о «частях» несостоятелен

Вы можете изобрести еще третий аргумент. Вы можете заявить, что сочетание двух аргументов, касающихся части и надстройки, что синтез этих двух аргументов дает положительный результат. Но я не обязан изобретать для вас аргументы. (Смех.) Это я предоставляю делать вам.

Я приводил еще пример такого рода, как экономические отношения Америки и Германии. Тов. Султан-Заде ответил,

что это — кредитные отношения. Хорошо, но американский банковый капитал поступает в сферу производства в германском хозяйстве? Да, поступает. В этом и заключается вся проблема. Разве вы можете отрицать, что некоторая часть американских капиталов превращается в Германии даже в основной капитал? Нет, это несомненный факт: часть американских капиталов превращается в основной капитал германской промышленности. Только это и требовалось доказать, этого с меня совершенно достаточно.

На мой взгляд, теоретическое построение т. Султан-Заде страдает следующим недостатком. Он проглядел специфическую форму иерархической структуры всех этих трестов, дочерних обществ, синдикатов, картелей, банков, дочерних банков и пр., которые поддаются контролю. Термин «контроль» — чисто американского происхождения. В американском толковании это значит господство. Контролировать можно и тогда, когда сосредоточиваешь в своих руках гораздо меньше половины всего капитала, пожалуй 30% акций акционерного общества. Теория т. Султан-Заде дает не особенно правильную ориентировку и в вопросе классовых отношений. Если в противовес нашему понятию финансового капитала вы выдвигаете свое, то вы этим самым подчеркиваете наличие довольно большой пропасти между банковыми и промышленными магнатами. Я отнюдь не отрицаю наличия сравнительно крупных, порою даже очень крупных, трений между промышленниками и банкирами; эти трения принимают зачастую довольно острые формы, но основная линия есть линия об'единения, линия об'единения и с торговым капиталом, и даже об'единения с крупным помещичьим землевладением. Я еще раз подчеркиваю, что это отнюдь не исключает возможности серьезных трений внутри буржуазии, но общая тенденция этого крупного капиталистического организма в процессе роста производительных сил идет по линии слияния, по линии превращения буржуа всех категорий в людей, получающих дивиденды, вопреки различного рода противоречиям, трениям и пр.

4. О СИЛАХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА.

Противоречия империализма. Почему невозможен «ультраимпериализм»?

Теперь я перехожу к другому вопросу, весьма тесно связанному с вышеназванной проблемой. Раньше я говорил о противоречиях внутри буржуазии в целом, теперь я буду говорить о противоречиях внутри империализма вообще. На мой взгляд, некоторые товарищи сделали довольно ценные замечания по поводу взаимоотношений между монопольными образованиями и некартелированными отраслями производства и соответствующими пластами буржуазии. Некоторые товарищи цитировали разные места из книги Ленина об империализме, где подчеркивается, что существенной чертой империализма являются не только образования монопольного характера, но и различия между монопольными, картелированными и трестированными отраслями производства и пр. и отраслями, не об'единенными. В прениях товарищи подчеркивали также, что — по Ленину — Каутский этого не видит, и что поэтому у Каутского внутренние противоречия финансово-капиталистической системы, по сравнению с действительностью, умалены. Другие товарищи предлагали нам ярче оттенить закон неравномерного развития капитализма и резче подчеркнуть положение о неравномерном развитии в эпоху империализма и о противоречиях империалистической системы. На мой взгляд, это можно сделать, особенно если увязать этот вопрос с анализом «ультра-империализма». Проблема «ультра-империализма» не столь трудна. Сравнительная трудность проблемы, выражаясь грубо, в общих чертах заключается, по-моему, в следующем: может ли существовать на почве капитализма такой мировой строй, при котором все мировое капиталистическое хозяйство об'единилось бы в один гигантский исполинский трест? Если эту возможность теорети-

чески решительно отвергнуть, тогда всплывет тотчас же другой вопрос: значит вы тем самым отрицаете основной закон капиталистического развития, закон концентрации и централизации капитала? Если же вы стоите на точке зрения закона концентрации и централизации капитала, в таком случае вы должны сказать: одни капиталисты проглатывают других, более крупные проглатывают более мелких, крупнейшие проглатывают более крупных — образуются крупные тресты, они вступают в борьбу друг с другом, и одни тресты проглатывают другие. Где можно поставить логический и исторический предел этому? Логическим и историческим пределом является образование всемирного исполинского треста, сосредоточивающего в своих руках все капиталистическое мировое хозяйство. Эту проблему мы выдвигали в русской литературе еще в начале войны.

Говоря совершенно абстрактно, нельзя отрицать такую возможность. Все дело, однако, в том, что пути развития к такому «всемирному тресту» связаны с такими затратами, «накладные расходы» при этом процессе столь чудовищны, что вызывают классовую борьбу катастрофического характера, и в пламени ее погибнет капитализм. Этот процесс связан с колоссальными войнами, с колоссальными революциями, а потому эмпирически, в действительности, в жизни, такой трест невозможен. Гильфердинг тоже раньше это хорошо понимал. В своем «Финансовом капитале» он еще стоит на точке зрения невозможности «ультраимпериализма».

«Экономически, — писал Гильфердинг, — был бы мыслим всеобщий картель, который руководил бы всем производством и таким образом устранил бы кризисы; он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы его к крушению».

Так думал Гильфердинг раньше. Тов. Султан-Заде ошибается, утверждая, что теперь социал-демократия говорит то

же самое. Приведенная мною цитата — это прямая противоположность тому, что Гильфердинг утверждает сейчас. Сейчас социал-демократы говорят об «организованном мирном капитализме», сейчас их идеологией является «мондизм», а идеология «мондизма» вовсе не имеет своей предпосылкой сильнейшее заострение противоречий капитализма. Социал-демократия говорит сейчас: чем организованнее капитализм, чем шире и глубже наше сотрудничество с капиталистами, тем лучше будет житься пролетариату, тем крупнее будут уступки со стороны буржуазии. А в «Финансовом капитале» Гильфердинг говорит, что классовые отношения будут настолько обостряться, что капитализм должен будет погибнуть. Это положение, выдвигавшееся Гильфердингом раньше, совершенно правильно. Гильфердинг изменил не только марксизму, но и самому себе. Теперь социал-демократы толкуют об «ультра-империализме». Социал-демократия считает, что буржуазный строй развивается по восходящей линии и ожидает наступления идиллической эпохи ультра-империализма. Это положение требует от нас, чтобы мы дали более точную формулировку соответствующей проблемы в нашем проекте.

Паразитарное загнивание и развитие производительных сил современного капитализма.

Еще пару слов о силах капитализма в империалистическую фазу. В нашем проекте указывается, что империализм есть последняя фаза капитализма и что характерной чертой его является паразитарное загнивание. В проекте программы мы с самого начала подчеркнули факт отмирания капитализма, паразитарную сторону капитализма. В этом заключается историческая оценка современной фазы мирового капитализма.

В этой связи, без какой бы то ни было полемики, я сделаю пару замечаний относительно возможности ошибочного толкования этого тезиса. Существует некоторая тенденция в наших

рядах, тенденция переоценки так называемой паразитарной стороны капитализма, связанной с уничтожением производительных сил. На мой взгляд нельзя, однако, утверждать, что тенденция паразитарного перерождения капитализма берет верх повсюду и определяет все и вся. Это означало бы, что производительные силы капитализма в переживаемую фазу своего развития уже вообще не развиваются. В действительности же они развиваются, притом довольно быстро, и не исключена даже возможность того, что в некоторых странах, — я подчеркиваю слово «некоторых», — производительные силы капитализма могут развиваться чрезвычайно быстро. Мы переживаем такую своеобразную фазу, когда наука теснее, чем когда-либо, связана с техникой, когда технические изобретения принимают грандиозные размеры, когда наука переживает замечательный период большого под'ема. Многие проблемы, делающие, как говорят, целую эпоху, теоретически уже разрешены и ждут лишь практического разрешения. В отличие от того, что думают социал-демократы, все это, разумеется, не значит, что мы вступаем в эпоху процветания капитализма; наоборот, наступает эпоха огромного гигантского обострения мировых противоречий, эпоха войн и чудовищного, невиданного еще разбухания всех противоречий капиталистической системы. Капитализму суждено погибнуть не потому, что он очень быстро перерождается в паразитический организм, ему суждено погибнуть не от немощи и бессилия, не в этом состоит гниение капитализма, а в том, что последний этап отмирающего капитализма чрезвычайно обостряет внутренние противоречия капиталистического строя и порождает конфликты, которые несут ему гибель. Паразитарная сторона капитализма все растет и растет, но не это перерождение, как таковое, а деградация, как продукт обострения противоречий капитализма, — именно эта специфическая черта капитализма роет ему могилу. Я согласен с тем, что нужно конкретнее подчеркнуть в проекте программы эту сторону капиталистического развития, — различные противоречия, находящиеся в связи с законом неравномерности капи-

талистического развития, противоречия между картелированными и некартелированными сферами производства, антагонизм на основе установления квот, борьбу между различными империалистическими державами, — чтобы рассеять гипноз, в состоянии которого социал-демократия держит часть рабочих, чтобы опровергнуть сказку о развивающемся «организованном» капитализме. Было бы целесообразно подробнее разработать все эти моменты в нашем проекте и ярче их подчеркнуть.

5. СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ РЕФОРМИЗМА.

Корни реформизма в доимпериалистическую фазу капитализма.

У нас в программной комиссии была весьма оживленная дискуссия по вопросу о социальной основе реформизма, затем в связи с анализом фашизма и в связи с вопросом о взаимоотношении между социал-демократией и фашизмом. Я считаю целесообразным дать на пленуме конгресса краткий анализ социальной основы реформизма. Я не стану освещать эту проблему так широко, как в программной комиссии, а остановлюсь лишь на некоторых моментах, в том числе, однако, и таких, которых я не касался в программной комиссии. Ход развития и сравнительная сила социал-демократических партий и реформизма в профдвижении требуют от нас более всестороннего анализа этой проблемы. Во время и после империалистической войны мы связывали реформизм первым долгом с сверхприбылью. Это есть наисущественнейший момент во всем анализе социальных корней реформизма. Постараюсь осветить этот вопрос несколько более всесторонне. Необходимо различать две сферы и двоякого рода социальные корни реформизма. Одними корнями реформизм уходит в прошлое капиталистического общества, другая категория причин и социальных корней реформизма относится к специфи-

ческим чертам империалистического развития крупных капиталистических стран. Раньше, еще до войны, анализируя корни германского ревизионизма, мы усматривали в ревизионизме разного рода мелкобуржуазные черты в собственном смысле этого слова. Анализируя позицию ревизионистов в таком вопросе, как аграрный, мы, ортодоксальные марксисты, утверждали, что ревизионисты, скажем, баварского крыла германской социал-демократии, находятся в теснейшей связи с мелкобуржуазными слоями социал-демократической партии. Мы совершенно правильно говорили, что рабочий класс не выходит на арену истории вполне сформировавшимся классом, но выкристаллизовывается из резервуара пролетаризируемого крестьянства, пролетаризируемого среднего городского сословия, мелкой буржуазии. Эти слои рабочего класса, рождаемые в процессе капиталистического развития, в процессе экономического разорения мелкой буржуазии и крестьянства, эти слои пролетариата несут с собой хвосты мелкобуржуазной идеологии.

Анализируя процессы, происходившие в прежние эпохи, например, развитие капиталистических отношений из цехового строя, мы видим, как так называемые патриархальные отношения между предпринимателями, с одной стороны, и рабочими — с другой, лишь в процессе долгого исторического развития уступают место совершенно иным отношениям. Были времена, когда между предпринимателями и, в ту пору еще эмбриональным, пролетариатом господствовали довольно патриархальные отношения. В ту пору классовые противоречия между наемными рабами, с одной стороны, и капиталистами-предпринимателями — с другой, были не столь крупны и исторически не настолько сложились, чтобы вызвать и идеологическое расслоение между ними. Лишь в процессе обострения классовой борьбы исчезла эта общая патриархальная идеология, царившая и в кругу пролетариата. Процесс растворения мелкобуржуазных и даже средних городских слоев среди пролетариата означал воспроизводство этой идеологии. Эти мелкобуржуазные идеологические черты были характерной особенностью реформи-

стов. То были реформисты с мелкобуржуазной идеологией, и их реформизм уходил социальными корнями в патриархальные отношения между пролетариатом и буржуазией, он служил идеологическим выражением недостаточно резкого социального расслоения. Приток мелкого крестьянства, пролетаризированных слоев мелкой буржуазии в ряды рабочего класса вновь и вновь воспроизводил идеологию реформизма в пролетариате. Такова была социальная основа реформизма. *Социальная* основа реформизма, я это подчеркиваю, в *прошлом* капиталистического развития была *совершенно специфической*. Совершенно *иная* основа у реформизма нашей эпохи. В нашу эпоху реформист связан первым долгом *с империалистическим* развитием.

Корни реформизма при империализме.

В программной комиссии мы дискутировали по поводу следующей проблемы: часто толкуют о *сверхприбылях*, пожинаемых буржуазией той или другой страны в процессе эксплоатации своих колоний. Но какие колонии имеются у Швейцарии, какие колонии имеются у Австрии или, — как говорит в одной из своих статей Отто Бауэр, глумясь над нами, — где колонии скандинавских стран, некоторые слои пролетариата которых получают максимальную зарплату по сравнению с зарплатой в других капиталистических странах? Где шведские колонии, где норвежские колонии и т. д.? Эту проблему мы проанализировали в программной комиссии самым тщательным образом и в общем и целом, по-моему, разрешили. Здесь дело не только в различного рода сверхприбылях, поступающих из колоний той или другой страны в карманы капиталистической буржуазии этой страны. Я приводил в программной комиссии следующий пример: если анализировать капиталистическое общество, руководствуясь экономическим учением Карла Маркса, надо признать, что капиталисты, обладающие предприятиями с лучшим техническим оборудованием, а следовательно, и с производительностью выше средней, получают так

называемую диференциальную прибыль. Стоимость товара и его рыночная цена определяются средней производительностью общественного труда. Но поскольку в том или ином предприятии существуют предпосылки, повышающие производительность труда, постольку фабрикант, капиталист получает сверхприбыль, диференциальную прибыль. То же происходит не только в рамках народного хозяйства, но и в рамках всего мирового хозяйства. Если у нас имеется страна, более развитая, чем все прочие, в таком случае в процессе товарообмена между различными странами эта страна получает сверхприбыль. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс в одном месте говорит, что более богатая страна, страна, более развитая, чем прочие, получает сверхприбыль, так сказать, диференциальную прибыль в рамках мирового хозяйства. Более богатая страна эксплоатирует более бедную страну даже и в том случае, если она не занимается колониальным грабежом, а путем товарообмена между ними по всем «правилам» закона стоимости торгует. На этой экономической основе создаются специфические взаимоотношения между различными странами. Буржуазия развитой страны может получать сверхприбыли первым долгом из колоний, этой стране принадлежащих. Она может извлекать сверхприбыли и из экспорта капитала, экспортируя капитал не в свои колонии, а за границу, и даже не в колонии, а в другие капиталистические страны, где норма прибыли выше. Страна может получать сверхприбыли и на основе простого товарообмена, при том условии, если промышленность этой страны в техническом отношении лучше оборудована, если производство ее стоит на более высокой ступени, что дает ей возможность получать диференциальную прибыль в рамках мирового хозяйства. Так, например, когда Австрия продавала косы царской России, то, хотя Россия и не была колонией австрийской буржуазии, однако, австрийская буржуазия извлекала сверхприбыли благодаря товарообмену. Через канал товарообмена австрийская буржуазия имела возможность несколько больше заработать. А потому ясно, что, скажем, даже шоко-

ладные фабрики в Швейцарии, несмотря на отсутствие у нее колоний, могут получать сверхприбыли. Анализируя картину в целом, мы видим, что сообразно закону неравномерного развития та или иная страна в рамках мирового хозяйства занимает различное положение, различную позицию, находится в различных отношениях с другими странами. Чем благоприятнее положение той или иной страны, независимо от наличия у нее колониальных владений, тем шире для нее возможность получения сверхприбылей. В зависимости от этого развитие различных промышленных стран складывается совершенно различно. Чем благоприятнее положение страны, тем шире для ее буржуазии возможность быстрого темпа накопления, использования технических завоеваний, возможность подкармливания рабов наемного труда и повышения квалификации рабочей силы. В программной комиссии я уже говорил, что в *социальном* отношении так называемая коррупция аристократических слоев рабочего класса действительно имеется налицо.

Различные источники сверхприбыли и структура мирового пролетариата.

Но это не есть какая-то внешняя сила, противоречащая всем прочим законам капиталистического развития. Отнюдь нет. Все это служит *выражением основных законов капиталистического развития*. Если та или иная буржуазия в той или иной стране может обеспечить пролетариату более высокую зарплату, этим самым буржуазия создает возможность некоторого *развития* рабочей силы, как экономической категории. Рабочий, больше зарабатывающий, приобретает более *высокую квалификацию*. Однако, должен добавить, что под этой квалификацией я разумею не только квалификацию в старом смысле этого слова, для получения которой необходимо было пройти известную школу: теперь существует новый род квалификации или, вернее, новые формы квалификации, дающие рабочему способность развить больше энергии в единицу времени, иными словами, ра-

бочая сила приобретает такую *внутреннюю социально-физиологическую структуру*, при которой она может развивать большее количество энергии в единицу времени. Это характерно для определенного уровня развития капиталистического строя. С другой стороны, в связи с этим образуются слои квалифицированного пролетариата, ближе стоящие к инженерам и проч. В этом двояком направлении идет квалификация рабочей силы. Таким образом, на основе сверхприбыли создается возможность *социального коррумпирования* некоторых слоев пролетариата, причем эти коррумпированные слои суть *наиболее квалифицированные слои мирового пролетариата*. Зачастую, говоря о пролетариате, мы имеем в виду европейские и американские кадры пролетариата — германский, английский пролетариат или американский. Но при анализе грандиозного процесса внутренней эволюции, внутренних перегруппировок в *мировом* пролетариате мы должны иметь в поле зрения не только европейский или северо-американский пролетариат, но и *китайских кули* (потому что это тоже *рабочие*), рабочих *разных колоний* и рабочих *плантаций* и те неизмеримые пролетарские армии, у которых пролетарские свойства имеются в потенциальной форме; у нас есть такие многомиллионные социальные пласты в колониальных и полуколониальных странах. Анализируя не абстрактный капитализм, но мировой капиталистический строй в его конкретном выявлении, мы вынуждены — и это наш теоретический долг — рассматривать *пролетариат в целом*, иметь у себя перед глазами весь пролетариат со *всеми его составными частями*: от членов Американской федерации труда до китайских кули и индонезийских рабочих. Основные тенденции капиталистического развития следует рассматривать не под углом зрения наилучше оплачиваемых слоев пролетариата, но в мировом разрезе, под углом зрения мирового хозяйства в целом. При проверке высказанных мною теоретических положений под этим углом зрения нетрудно убедиться в абсолютной правильности наших выво-

дов. Возьмем, например, английских рабочих. Почему они были в прошлом наиболее консервативными? Ни одна буржуазия в мире не получала столь огромных сверхприбылей, как английская. Эти сверхприбыли имели специфическую структуру, они поступали преимущественно из эксплоатируемых Англией колоний. Но теперь экономическая и социальная структура Англии изменилась, колоссально изменилось ее положение в рамках мирового хозяйства. Англия уже начинает вытесняться другими державами, и этим обусловлено изменение основы реформизма, этим обусловлены радикальные течения в английском пролетариате, все большее исчезновение консервативных элементов в идеологии организованного пролетариата. Отсюда — рост коммунизма в Англии, отсюда — всеобщая стачка, стачка горнорабочих и проч. Историческое развитие происходит медленно, но неуклонно в этом направлении.

Теперь возьмем Северо-американские соединенные штаты. У них теперь исключительная позиция, своего рода монопольная позиция в мировом хозяйстве. Но эта монопольная позиция Северо-американских соединенных штатов отличается от былой монопольной позиции Британской империи. Это необходимо учесть. Монопольная позиция Северо-американских соединенных штатов отличается от прежней монопольной позиции Англии тем, что, занимая важнейшие позиции в мировом хозяйстве, американская буржуазия, в отличие от мировой Британской империи в эпоху ее расцвета, не имеет огромных колониальных территорий. Путем экспорта капитала, благодаря более высокой технике, совершенно специфическим условиям производства, благодаря товарообмену, займам и проч., не обладая крупными колониальными владениями, — американская буржуазия тем не менее извлекает максимальные сверхприбыли. И хотя эти сверхприбыли несколько иного социально-экономического характера, хотя их источником служит не прямой грабеж колоний, не эксплоатация «своих» колоний, но тем не менее это — сверхприбыли. А так как огромная доля этих сверхприбылей — в мировом масштабе — поступает в

руки буржуазии Северо-американских соединенных штатов, то вполне понятно, почему американский пролетариат наших дней есть самый консервативный пролетариат в мире.

Под этим углом зрения вполне понятно и то, почему социал-демократия в Германии еще очень сильна. У Германии нет колоний, но в техническом отношении Германия в некоторых сферах производства побила мировой рекорд. Разумеется, это развитие Германии в послевоенное время было немыслимо без американских кредитов. Об этом мы уже говорили не раз. Но и Германия получает сейчас сверхприбыли. Перспектива дальнейшего победоносного развития германской промышленности на мировом рынке способна соблазнить часть германского пролетариата; этим, по существу, оперирует германская социал-демократия, такова социальная подоплека некоторой ее силы, этим в известной степени об'ясняется прочность ее позиций. Рассматривая и анализируя картину в целом, мы видим несколько, так сказать, «аристократических» стран, имеющих, условно выражаясь, рабочую аристократию, т. е. пролетариат с жизненным уровнем выше среднего уровня мирового пролетариата. Но и внутри каждой отдельной страны имеются диференцированные слои пролетариата; так, например, хотя американский пролетариат в целом представляет собой, по сравнению с китайским кули, рабочую аристократию, однако внутри этой рабочей аристократии имеется своя рабочая аристократия в квадрате, представляющая собой подлинно консервативную верхушку в мировом пролетариате.

Патриархальные отношения, некоторая общность интересов капитала и труда старого типа давно нарушены конкуренцией между различными предпринимателями и обострившейся на этой основе классовой борьбой. Мелкобуржуазные корни реформизма, — о которых я говорил выше, — отмирают в процессе обострения классовой борьбы; но возможно, что империалистические, т. е. социал-шовинистические или социал-империалистические корни реформизма в пролетариате

сидят наиболее крепко. Я считаю, что обострение противоречий капитализма вырвет и эти корни; полное преодоление консерватизма американского пролетариата вряд ли мыслимо без крупных социально-исторических катастроф. Но в этом и заключается сущность империализма, что, с одной стороны, он создает и в пролетариате условия для различных социал-империалистических идеологий, с другой же стороны, обостряя противоречия между различными империалистическими державами и навязывая пролетариату гигантские войны, сопряженные с чудовищным разрушением человеческой рабочей силы, уничтожением производительных сил и проч., он разбивает в черепки социал-империалистическую идеологию. В этом заключается грандиозный процесс превращения пролетариата в самодовлеющий класс. Мы не представляли себе раньше, сколь длителен этот процесс исторического развития, какое «хождение по мукам» предстоит пролетариату как классу раньше, чем он выкристаллизуется в силу, идеологически совершенно диференцированную от буржуазии. Это историческое развитие обусловлено тем, что мы имеем дело не с отвлеченным капитализмом, что капитализм таит в себе возможность так называемой коррупции некоторых слоев пролетариата, а порою и значительных масс национального пролетариата, как это мы видели раньше в Англии, а теперь в Соединенных штатах. Так как мы живем в рамках не абстрактного, а конкретного мирового капиталистического хозяйства, то именно поэтому столь мучителен, столь длителен и в некоторые отрезки времени столь трагичен процесс революционизирования пролетариата. Противоречия, обострение борьбы между различными империалистическими державами и обострение в этой связи классовой борьбы, — все это в конечном счете искоренит социал-империалистическую идеологию и сметет с лица земли ее организационно-политическое выражение — социал-демократические партии.

Разумеется, в нашем подходе не должно быть фатализма. Это было бы признаком крайней ограниченности.

Период первой мировой войны уже позади. Но мы должны подчеркивать ее последствия, фиксировать внимание масс на грядущей войне, выявлять противоречия капиталистического общества и *сознательно вмешиваться в процесс созревания пролетариата*, форсировать этот процесс и вытеснять социал-демократическое влияние. На мой взгляд, все это тесно связано с проблемой о социальных корнях реформизма.

6. О ХАРАКТЕРЕ ФАШИЗМА.

В программной комиссии у нас были длительные и серьезные прения по вопросу *о характере фашизма*. При этом среди нас выявилось *два крайних* течения, если можно в данном случае так выразиться. Некоторые товарищи полагают, что фашизм существует во всех высокоразвитых капиталистических странах. Все тенденции реакционного свойства, тенденции перехода от парламентской системы к открытой насильственной диктатуре буржуазии, все тенденции к применению террора в борьбе с пролетариатом, все тенденции к образованию добровольной классовой армии буржуазии и проч., — все это трактуется ими, как фашизм. Другие товарищи, — и это другая крайность, — полагают, что фашизм есть нечто специфическое, что о фашизме в высокоразвитых капиталистических странах говорить не приходится. Предлагались разные формулировки. Так, например, некоторые товарищи считали критерием в данном случае наличие у страны *колониальных владений*, утверждая, что фашизм возможен лишь в таких странах, у которых нет колоний, и которые в силу этого не могут коррумпировать соответствующие слои пролетариата. В этих случаях место коалиции с социал-демократией заступает фашизм. Другие товарищи давали приблизительно такую формулировку: фашизм есть *специфическое* явление, свойственное отсталым странам, и нет никакого основания говорить о фашизме в *высокоразвитых* капиталистических странах.

При дальнейшем анализе в процессе прений мы установили следующее: во-первых, так называемая реакция, связанная с тем, что парламентская система уже сыграла свою историческую роль, эта тенденция управлять по-иному обусловлена развитием современного капитализма, капитализма монополистического, она обусловлена обострением классовой борьбы, перспективой войн и, сравнительно с другими эпохами капиталистического развития, общей непрочностью капиталистического строя. Отсюда тенденция к созданию сильной центральной власти, к собиранию всех сил буржуазии в единый кулак, к отметанию ненужной системы мелкобуржуазных партий. Я об этом говорил в программной комиссии. Все это — тенденции к изменению методов государственного управления. Сюда присоединяются еще и такие факторы, как образование классовых армий, классовые образования буржуазии полицейского характера и пр. Я лично полагаю, что фашистская форма реакции, т. е. наступления буржуазии на рабочий класс, есть форма действительно *специфическая*. Специфическая особенность ее таится в *механизме* фашизма. И это весьма важно. Своеобразное в механизме фашизма заключается в том, что фашизм как специфическая форма реакции стремится опереться на широкие массы — *мелкую буржуазию* городов и *мелкое крестьянство*, а порой и на некоторые слои *пролетариата*. В Италии и Польше фашизм в начальной стадии был движением *массовым*. В Италии это были мелкобуржуазные массы, в Польше — мелкобуржуазные плюс довольно широкие пролетарские слои. Все шли за Пилсудским и помогали Пилсудскому совершить переворот. Внутренний механизм переворота был весьма оригинален. Доведенные до отчаяния массы сыграли свою роль в деле фашистского переворота. Разумеется, нечто подобное возможно лишь при наличии совершенно специфических исторических предпосылок, когда все положение в стране неустойчиво, когда в обществе происходит усиленное брожение, когда до отчаяния доведены довольно широкие слои мелкой буржуазии, крестьянства, а отчасти и пролетариата. Некоторые товарищи приписывают эти спе-

цифические признаки лишь отсталым странам. Но это неправильно. Решающее значение имеет не степень отсталости той или иной страны, не наличие или отсутствие у нее колоний; предпосылкой для фашизма служит расшатанность соответствующего капитализма. Это имеет решающее значение, это — решающий признак. Поэтому, когда пошатнутся даже основы северо-американского капитализма, там тоже будет фашизм. Этим обусловлены и зародыши фашизма в Англии, которая никак не может быть причислена к отсталым странам. Я подчеркиваю: маленькие зародыши фашизма в Англии обусловлены тем, что основы английского капитализма шатаются. Говоря о тенденциях развития, мы можем утверждать, что по мере роста общего кризиса, расшатывающего капиталистический организм, мы будем наблюдать рост фашизма и в других странах. Если рассматривать вещи статически, то мы можем сказать, что и сейчас уже имеются различные формы фашизма: классическая форма его и разные переходные формы и тенденции развития к фашизму. Эти переходные формы и тенденции, разумеется, нельзя еще назвать фашизмом в подлинном смысле этого слова, это «эмбрионы» фашизма, это еще не подлинный фашизм, но при определенных исторических предпосылках они выкристаллизуются в подлинный фашизм. Общая картина далеко не однообразна. Развитие сложно и многообразно. Наличие разновидностей реакции обусловлено различием социально-экономических условий в тех или иных капиталистических странах, но общая линия развития совершенно ясна. Так можно резюмировать прения по вопросу о фашизме.

Что касается взаимоотношений между социал-демократией и фашизмом, то наш анализ привел нас здесь приблизительно к следующим выводам. Во-первых, вне всякого сомнения, социал-демократии свойственны социал-фашистские тенденции. Во-вторых, это — тенденции, а не завершившийся процесс, и было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом. Нельзя этого делать как при

анализе положения, так и при намечении коммунистической тактики. В нашей тактике не исключена возможность обращения к социал-демократическим рабочим и даже к некоторым низовым организациям социал-демократии, что же касается фашистских организаций, то к ним мы не можем обращаться.

7. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ.

Перехожу к вопросу о нашей конечной цели. Я буду краток. На мой взгляд, основных проблем у нас здесь три. Одни из них носят довольно академический характер, но я считаю своим долгом осветить в своем докладе на конгрессе и эти проблемы.

Кое-кто обвинял нас в немарксистском подходе за то, что мы говорили о труде в коммунистическом обществе. Эти товарищи утверждали, что понятие «труд» есть понятие историческое что в коммунистическом обществе труд, как таковой, исчезает, и подтверждения этому они искали в разных произведениях Маркса, где говорится не о труде, а о процессе самодеятельности, и т. п. Я возражал этим товарищам. Правда, в произведениях юного Маркса такие места имеются. В более ранних произведениях Маркса имеются и другие еще не диференцированные понятия. Так, например, в «Нищете философии» еще не проводится различия между трудом и рабочей силой, между тем как это различие имеет решающее значение для всей марксистской политэкономии. В «Капитале» же Маркс во многих местах говорит о труде в коммунистическом обществе: в знаменитой главе о труде в первом томе «Капитала» Маркс говорит о труде, как о процессе «обмена веществ» между природой и обществом, как об общей основе для любой формы общества. «Наемный труд» есть понятие историческое, равным образом, как и стоимость, прибыль, зарплата и пр., но «труд», это — иная категория. Это во-первых.

Во-вторых, некоторые товарищи предлагают вычеркнуть из этой главы то место, где речь идет об *уничтожении частной собственности на продукты потребления.* Они предлагали отметить, что в коммунистическом обществе право частной собственности на продукты потребления останется. Я считаю это положение *неправильным.* Нужно различать между фактом, как таковым, и *правовой* оболочкой этого факта. Маркс говорит, что продукты будут распределяться сообразно потребностям. Это не значит, что если я беру яблоко, то на то же яблоко сумеет претендовать и т. Мануильский. Но он может взять другое яблоко, не то же самое, но яблоко того же сорта, и скушать его.

Вообще, говоря об отмирании всех остатков государственных органов, мы имеем в виду и *отмирание государственно-правовых понятий.* Правовые понятия это есть форма совершенно специфическая, и она исчезает с исчезновением последних остатков государственной формы.

Аналогично этому обстоит дело и с понятием *принуждения.* Здесь говорилось о душевно-больных и пр. Хотя на конгрессе Коммунистического Интернационала и не подобает как будто говорить о душевно-больных, однако, позвольте мне сказать о них пару слов в связи с вопросом о принуждении. Проблема принуждения по отношению к душевно-больным не *есть проблема правовая:* причина, источник этого принуждения есть медицинское указание, которому подчиняются и другие, например, родственники душевно-больного. Но это «подчинение» отнюдь не есть подчинение правовое.

Никаких правовых отношений между врачом, предписывающим мне лекарство, и мною не существует. Когда врач лечит, скажем, ребенка, когда он орудует различными лекарствами, он вынужден зачастую прибегать к принуждению, но это не есть принуждение правового характера. Эти формы медицинского принуждения совершенно отличны от правового принуждения, и этих понятий не следует смешивать. А потому я полагаю, что соответствующие формулировки нашего проекта должны быть сохранены.

8. ВОПРОС О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ.

К. Маркс об отношении пролетарской диктатуры к крестьянству.

Перехожу к актуальному и практическому вопросу—о национализации земли. Как вы уже видели, и на самом конгрессе проблема национализации земли вызвала горячие споры. Приводилось много аргументов против соответствующих формулировок нашей программы. В этой аргументации тон задавал т. Рено Жан из Франции, с которым соглашались многие члены программной комиссии. Этот вопрос, действительно, принадлежит к числу самых существенных, самых острых политических проблем. Главный аргумент т. Рено Жана был заострен против того места проекта, где, с одной стороны, имеется указание на невозможность немедленной национализации земли, с другой стороны, говорится о немедленном воспрещении купли-продажи земли. Я возражал т. Рено Жану в программной комиссии и повторю свои возражения здесь. Противоречие, которое товарищи находят между двумя вышеприведенными моментами, — это противоречие формальное. Для нас важны не разговоры о национализации; решающее, существенное значение имеет факт воспрещения купли-продажи земли, равносильный осуществлению на 90—95 процентов национализации. Это имеет для нас решающее значение. Но, спрашивается, зачем же тогда прибегать к компромиссной форме этой меры? Зачем говорить о воспрещении купли-продажи, а не прямо о немедленной национализации земли? Из осторожности, хотя мы и не трусы. Мы опасаемся, как бы лозунг немедленной национализации земли, значит и земли крестьянской, не оттолкнул от нас довольно значительных слоев крестьянства. Можно ли в этом усматривать оппортунизм? Думаю, что нет. В подкрепление своей мысли я процитирую столь ортодоксального марксиста, как Маркс. В работе Маркса, впервые недавно опубликованной в одном из наших научных журналов, высказан ряд

мыслей по крестьянскому вопросу, с которыми целиком совпадает точка зрения Ленина. И это тем более поразительно, что когда Ленин разрабатывал вопрос о нашем отношении к крестьянству, он даже не знал о существовании этой статьи Маркса. Мы много внимания уделяем брошюре Эндерле по крестьянскому вопросу, но постановка вопроса, которая дана Марксом и с которой я вас познакомлю, несомненно, будет для вас новой. Чуть ли не каждое слово совпадает с тем, что говорил затем Ленин. Маркс составил подробный конспект книги Бакунина—«Государственность и анархия». В этом конспекте он делает ряд замечаний от себя и отвечает на ряд вопросов, которые Бакунин ставил Марксу. Бакунин между прочим ставит вопрос: в каком положении очутится после захвата пролетариатом власти «крестьянская чернь»? Маркс по этому поводу пишет: «Это значит, что там, где крестьянин в массе своей является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех континентальных государствах Западной Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как, например, в Англии, там будет следующее: *либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию*, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату: даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен *в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится, и он сам перейдет на сторону революции; меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к коллективной собственности и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем* (курсив наш. *Н. Б.*).

Это блестяще сказано — «хозяйственным путем». Перед нашими глазами тотчас же встает кооперация и пр.

«...однако, нельзя ставить крестьянина в тупик, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор-капиталист вытесняет крестьянина, и настоящий владелец становится таким же пролетарием, трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий...» (Курсив наш *Н. Б.*).

А в другом месте Маркс пишет:

«Поэтому она (радикальная социальная революция. *Н. Б.*) возможна только тогда, когда при капиталистическом производстве промышленный пролетариат занимает по меньшей мере значительное место в народной массе; и для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы победить, он должен быть по меньшей мере в состоянии сделать для крестьян непосредственно хотя бы столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для того же французского крестьянства». (Курсив наш *Н. Б.*).

Этих цитат достаточно. Речь идет именно о том, что пролетарская революция должна непосредственно нечто дать крестьянину. Этот момент, эта проблема, освещается Марксом также исчерпывающе, как это сделал впоследствии Ленин. Подчеркивание этой непосредственной помощи крестьянину с указанием, что без этого пролетарская диктатура рушится, — вот решающий момент.

Сможет ли пролетариат после захвата власти немедленно помочь крестьянству?

Я привел цитату, чтобы показать, что этот вывод был уже сделан Марксом, а затем, отправляясь от этой точки зрения, рассмотреть проблему. Тов. Денгель выдвинул лозунг: «Не видимость в вопросе о национализации, а агрономическая по-

мощь» и т. д. Тов. Денгель! Именно это невозможно сразу сделать, и именно потому, что на первой стадии развития революции вы будете иметь дело с падением производительных сил, с гражданской войной; вы будете иметь дело с таким положением, когда мы, бедный СССР, вынуждены будем первое время вам экономически помогать, а не наоборот. В этом я уверен. Вы будете известный период бешено бороться, вы не будете в состоянии привести в движение вашу индустриальную культуру, вы не в состоянии будете провести мелиорацию и т. д. Это почти неизбежно на первой стадии развития революции. Было бы очень хорошо, если бы не было саботажа и т. д. Но «хороша Маша, да не наша». (Смех.) Мы вынуждены подчеркивать, что мы непосредственно даем нечто крестьянам. Мы даем им землю и мы не запугиваем их тем, что отберем ее у них. Мы скажем крестьянину: ты кое-что получил от революции в пользование. Если ты кое-что получил, то мы гарантируем тебе, что ты можешь сохранить и свою землю, и эти прирезки: они не перейдут в чужие руки; это мы гарантируем законом о запрещении спекулянтам скупать землю; тогда у тебя есть гарантия, что ты действительно получил нечто от революции. Некоторые товарищи говорили об «отчуждении» всей земли, т. е. предлагали дать формулировку, которая бросает в одну кучу помещичью и крестьянскую землю, а с другой стороны, затушевывает вопрос о конфискации (говоря просто, об «отчуждении»). Это политически не умно. Если же говорить о конфискации всей земли (китайские товарищи), то это вдвойне смешно: в действительности революция дает землю крестьянству, а лозунг говорит об ее отобрании. Так формулировать свои требования это значит ставить все на-голову.

Таким образом, мы, — с точки зрения проекта программы, — проводим определенную линию: мы даем крестьянину больше земли, мы гарантируем ему это завоевание, мы различаем между крупным землевладением, которое экспроприи-

руется, и мелким землевладением, которого мы не тронем. Ведь тот факт, что мы поступили таким образом в СССР, не был случайностью? Нам скажут, что мы были связаны блоком с левыми с.-р. Но если мы сравним это положение с положением западно-европейских стран, то трудности получатся в последних странах еще большие, а отнюдь не меньшие. В проблеме национализации мы столкнемся в западно-европейских странах с еще *большими* трудностями, чем у нас.

Сначала некоторые товарищи сгоряча говорили, что этот вопрос никогда не был поставлен так, как мы его ставим теперь. Но это неверно. Мы ставили так этот вопрос на IV и V конгрессах. Так же ставили вопрос и Маркс, и Ленин. (*Возглас*: На II мировом конгрессе!)

Да, и на II мировом конгрессе Ленин ставил этот вопрос. Здесь нет ничего нового. Была бы понятна точка зрения наших оппонентов — да и то с грехом пополам — лишь в том случае, если бы предпосылка т. Денгеля существовала в действительности, т. е. в том случае, если бы на первом фазисе революции мы в состоянии были тотчас же экономически помочь крестьянству. Но таких иллюзий у нас не должно быть.

9. О СУЩЕСТВЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И О ТРЕХ ТИПАХ СТРАН.

Далее, мы в программной комиссии обсуждали вопрос о *буржуазно-демократической революции* и о *3 типах* стран. И по этому вопросу у нас была очень оживленная дискуссия. Я здесь буду кратко аргументировать и буду говорить возможно более сжато.

К вопросу о буржуазно-демократической революции. Абсолютно недопустимо смешивать друг с другом две вещи, два критерия: с одной стороны, критерий движущих классовых сил революции и, с другой стороны — критерий об'ективного содержания революции. В программной комиссии я ссылался на пример великой французской революции, которая представляет собой классическую буржуазную революцию, но которая в то

же время была направлена и проведена против либеральной буржуазии, т. е. наиболее яркой представительницы буржуазного порядка. Диктатура Горы была в первую очередь диктатурой мелкой буржуазии. Плебейский способ уничтожения феодального господства и феодальных пережитков — это прокладывание пути к дальнейшему капиталистическому развитию — радикально проводился мелкой буржуазией против либеральной буржуазии. Нельзя, повторяю, смешивать друг с другом вопрос о движущих силах революции и вопрос об об'ективном содержании революции. В Китае, например, на этой стадии развития блок рабочих и крестьян означает борьбу против буржуазии, а не только против феодального господства. Но в то же время мы в Китае имеем еще не пролетарскую революцию, а только буржуазно-демократическую революцию и идем к такой системе власти, которая олицетворяется демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Но и такая форма власти, разумеется, может осуществиться лишь в борьбе против буржуазии. (Как можно себе представить, что диктатура крестьянства под гегемонией пролетариата возможна без борьбы против буржуазии? Эта революция имеет предпосылкой политическое низвержение буржуазии, уничтожение буржуазии и ее государственной власти.) В то же время диктатура пролетариата и крестьянства не есть еще диктатура пролетариата, как единственного носителя власти. Другой вопрос, как долго вообще может существовать диктатура пролетариата и крестьянства. Я думаю, что с самого начала здесь дан процесс перерастания; но это еще отнюдь не означает, что мы не различаем между рабоче-крестьянской диктатурой и пролетарской диктатурой, между об'ективным содержанием революции, ведущей к победе диктатуры пролетариата и крестьянства, и революции, которая непосредственно ведет к диктатуре пролетариата. С всемирно-исторической точки зрения и с точки зрения данной страны — демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть предварительная ступень

пролетарской диктатуры, но лишь предварительная ступень. Это — этап в развитии революционного процесса. Смешивать все это в одну кучу — отнюдь не ленинская традиция, а чистейшей воды троцкистское толкование.

Соответственно этому, имеется также возможность различать три типа стран, как мы их дали. Быть может, это разграничение в программе надо подчеркнуть еще яснее, — против этого я ничего не имею. Такое разграничение, — как всякое более или менее абстрактное разграничение — носит в той или иной степени схематический характер, но это еще отнюдь не аргумент против разграничения как такового, против установления различия между странами пролетарской диктатуры и демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, между непосредственными пролетарскими революциями и буржуазно-демократическими революциями пролетариата и крестьянства. Во время нашей дискуссии мы пришли по этому вопросу приблизительно к следующим выводам:

При характеристике стран с средним уровнем капиталистического развития было бы лучше упомянуть балканские страны: Югославию, Румынию, быть может, Болгарию и некоторые южно-американские страны, с другой стороны, следовало бы дать здесь более эластичную формулировку, ибо существуют такие страны, — и такие возможности вообще не исключаются, — где пролетарской революции в ее социалистическом «существе» придется выполнять огромные задачи буржуазно-демократического свойства. Пропорция между этими элементами, конечно, может быть весьма различной. Быть может, правы польские товарищи, говоря, что Польша принадлежит к странам, где пролетарская революция носит специфический характер, где она en passant (мимоходом) решит целый ряд буржуазно-демократических задач и где процент — поскольку здесь допустимо оперировать арифметическими понятиями — буржуазно-демократических элементов в общем процессе пролетарской революции очень велик. Быть

может, надо включить такой оттенок в формулировку, чтобы придать ей более эластичный характер.

В связи с этим я хотел бы сделать еще одно замечание о вчерашней речи т. Альфонсо.

Тов. Альфонсо полемизирует против двух мест программы. Но эти места в проекте программы — цитаты из Ленина. Тот, кто против этих мест, должен признать, что он не согласен с Лениным. Сказать, что эти места, написанные Лениным, — олицетворение меньшевизма, это немножко чересчур. Теперь по существу вопроса. Об этом я уже говорил прежде, об этом придется говорить и в дискуссии по колониальному вопросу. При некоторых условиях возможно, чтобы мы шли вместе с национально-революционной буржуазией, если она действительно революционна, если она дает нам возможность организовать массы. Такой период был. Теперь у нас такого периода нет. В Индии вопрос стоит иначе.

10. ПРОБЛЕМА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА».

Следующая проблема — проблема «военного коммунизма». В программной комиссии т. Варга сильно полемизировал со мной. В программной комиссии я уже об'яснял, почему т. Варга является таким пламенным сторонником «военного коммунизма». Я сказал, что т. Варга до сих пор еще не понял всей глубины ошибок своей партии во время венгерской диктатуры. Какие ошибки были сделаны в отношении крестьянина? Во-первых, была допущена та «ошибка», что крестьянин совершенно не получил земли. Во-вторых, в то же время была произведена довольно значительная экспроприация (реквизиция и т. д.). В-третьих, прежние крупные помещики остались в совхозах в качестве специалистов. Таковы были, мягко выражаясь, ошибки в отношении крестьянства. Что касается мелкой буржуазии в городах, то в первый период пролетарской диктатуры был издан декрет, по которому все торговцы, открывающие свои лавки, караются смертной казнью. Я сказал, что при

таких условиях надо считать чудом, что пролетарская диктатура вообще некоторое время существовала. Я доказывал, что не было сделано различия между нашим принципиальным отношением к крестьянам и мелкой буржуазии, с одной стороны, к помещикам и крупной буржуазии, с другой стороны. В программной комиссии и отчасти на пленуме конгресса т. Варга в шутку сказал, что он против национализации парикмахеров, а они намылили ему голову (смех) и т. д. Я не буду развивать этой темы. Но имею ли я основание утверждать, что т. Варга не понял ошибок венгерской диктатуры? Я утверждаю, что имел и имею основание для этого. Здесь у меня оригинал статьи т. Варга для «Большой энциклопедии» о Венгрии в ее первоначальной редакции. Как оценивал т. Варга на этой стадии — до его спора со мной — главные уроки венгерской революции? Он характеризует в статье различные моменты венгерского движения при диктатуре пролетариата и пишет:

> «Оба эти обстоятельства (изолированность революции и слабость компартии. *Н. Б.*) вместе с роковым историческим фактом, в силу которого именно летом 1919 г. советская власть в России все более оттеснялась белогвардейцами к северу, в результате чего оказалось невозможным соединение венгерской и русской Красных армий, — все эти обстоятельства должны были неизбежно привести к крушению венгерской диктатуры, даже если бы руководителями и не было сделано ни одной ошибки».

Я с этим совершенно не согласен. Я утверждаю, что в этой постановке вопроса заключается недооценка ошибок. Полное крушение диктатуры было бы, — говорит т. Варга, — неизбежно даже при превосходной, безукоризненной политике. Я утверждал в программной комиссии, повторяю это здесь, что венгерская пролетарская диктатура была свергнута армиями извне, крестьянскими мятежами изнутри и отчасти мелкой буржуазией в городах. Руководители венгерской диктатуры не в состоянии были и не могли при

той политике, которую они вели по отношению к крестьянству, разложить неприятельские армии, состоявшие из румынских, чешских и венгерских крестьян. Во время войны венгерская диктатура имела большинство населения против себя. Она не в состоянии была вести разлагающую пропаганду в армиях неприятеля. Как могла держаться диктатура при таких обстоятельствах? Это было совершенно невозможно. Если вы терроризовали в городах мелкую буржуазию, то, разумеется, громадные массы мелкой буржуазии в городах были против вас. Как вы могли держаться с социал-демократической половиной в партии, внутри правительства, при таком положении, когда мелкая буржуазия, когда крестьянство были целиком против диктатуры, и когда неприятельские армии боролись против диктатуры? Как можно держаться при таком положении, я спрашивал и еще раз спрашиваю? Если бы крестьянство было на вашей стороне, разве не было бы у вас больших возможностей к разложению армий противника? Кто может доказать, что румынские крестьяне, приходившие в Венгрии в соприкосновение со своими земляками-крестьянами, если бы последние непосредственно что-нибудь получили от пролетарской диктатуры и были бы за нее, не разложились бы, не ушли бы? Кто может это доказать? Мы разложили английские войска в Архангельске, и англичане бежали, в Одессе интервенционные армии тоже разложились. Спросите т. Пятницкого, что было когда казаки шли на Москву. Мы эти части разложили. Наши победы в колоссальной степени были результатом разложения неприятельских армий. Это одно из самых верных средств в нашей борьбе, и в будущей войне это тоже будет лучшим средством. И это с самого начала было упущено в Венгрии и даже создано было обратное положение. Если уроки венгерской диктатуры изображаются так, как в этой статье, то я с полным политическим правом утверждаю, что мы имеем дело с недооценкой ошибок, в первую очередь, в крестьянском вопросе, в вопросе о мелкой буржуазии, вообще. Имела ли пламенная речь т. Варги в защиту военного коммунизма что-нибудь общее с недооценкой ошибок? Я утвер-

ждаю, что да. Ибо, если не понимать всей глубины ошибок, если не видеть разницы между помещиками и крестьянами, между крупной буржуазией и мелкой, то проведение «военного коммунизма» на такой основе будет вести к *гибели диктатуры*. Если я несколько сдержанно говорю о «военном коммунизме», то именно по этим мотивам. Наш спор в смысле *выводов* свелся к минимуму. Тов. Варга предложил говорить не о неизбежности «военного коммунизма», а о его вероятности. Я с этим согласен: военный коммунизм в ряде стран *вероятен* при некоторых определенных предпосылках. В этом вопросе мы с Варгой солидарны. Но я возражаю против всей его *аргументации*. Разумеется, мы должны, исходя из вероятности военного коммунизма при определенных условиях, сказать:

Во-первых, в других странах мы не будем иметь простого воспроизводства «военного коммунизма» в СССР, точно так же, как и нэп в других странах примет не те формы, что в России, — мы будем иметь дело с разными другими вариантами. Тов. Ленин говорил не только о том, что на определенной стадии «военный» коммунизм должен быть оправдан, но он говорил и о том, что мы при «военном коммунизме» наделали *глупостей* и что нехорошо рекомендовать эти глупости другим.

Во-вторых, мы не должны связывать себе руки утверждением, что «военный коммунизм» будет необходим *в первую* очередь или *после* определенного периода развития диктатуры. Если он будет необходим, то мы его осуществим в той стране, где он будет необходим. Предпосылки для этого такие-то и такие-то. Если эти предпосылки будут налицо, то мы сделаем из них соответствующие выводы. Этим спор исчерпывается.

11. УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЭПА.

По вопросу о новой экономической политике у нас тоже была оживленная дискуссия. Некоторые товарищи думали, — и они опирались при этом на действительно существующие

и правильно переданные цитаты из произведений т. Ленина, — что мы в ряде других стран при определенных условиях **не будем** применять метод нэпа, что там возможен будет прямой переход к социалистическому обмену продуктов без сложных рыночных отношений. Эти цитаты действительно существуют, действительно имеют такой смысл. Но вместе с тем я должен сказать, что Ленин уже на III конгрессе говорил, что опыт новой экономической политики в России должен быть подвергнут анализу и использован в международном масштабе. Он сказал также, что Англия будет, быть может, в этом отношении представлять исключение. На IV конгрессе т. Зиновьев в своей речи подробно останавливался на вопросе о новой экономической политике и в еще более определенной форме, чем Ленин на III конгрессе, говорил о том, что нэп будет необходим и в других странах, и выступал в этом вопросе от имени русской делегации после обсуждения этого вопроса с т. Лениным. Международное значение новой экономической политики, как метод сочетания социалистической госпромышленности с мелкими производителями, стало тогда гораздо яснее, чем к III конгрессу. Есть еще одно обстоятельство, о котором я уже упоминал в программной комиссии: т. Ленин в основном на IV мировом конгрессе одобрил первый проект нашей программы, в котором нэп трактуется так же, как и в новом проекте. Можно **возразить**, что не существует никакого документа, никакой записи, прямо свидетельствующих об этом. Но немыслимо себе представить, что Ленин, высказавшийся по одному, сравнительно второстепенному вопросу проекта программы, по вопросу о частичных требованиях, «забыл» это сделать по основному вопросу, по вопросу о новой экономической политике. В действительности, он обсуждал этот вопрос, хотя это и находится в формально-логическом противоречии с его прежними словами. Почему? Ибо ситуация стала гораздо яснее.

На мой взгляд, нельзя смешивать две разные вещи. С одной стороны, мы будем иметь дело с различными вариантами социализма. При капиталистическом строе у нас были раз-

личные варианты капитализма. Об этом я говорил на IV конгрессе, быть может, и на V. Различные формы, варианты капитализма мы имеем во французском, северо-американском и германском хозяйстве. Разумеется, это поведет и к различным вариантам социализма. В отсталых странах мы будем иметь дело с новыми вариантами. После пролетарской революции социализм в Германии будет по своей форме стоять гораздо выше, чем существующий на целое десятилетие дольше социализм в СССР. Предпосылки для строительства социализма там гораздо шире, чем в нашей отсталой стране. Ленин много раз говорил и писал, что после пролетарской революции в Западной Европе мы опять превратимся в отсталую страну, хотя теперь мы — самая прогрессивная страна. Разработанный Лениным кооперативный план будет иметь в такой стране, как Германия, совершенно иной удельный вес. Такой большой роли, как у нас, сельская кооперация в Германии играть не будет. Структура общества там иная. С точки зрения различия в структурах будут развиваться, так сказать, различные «национальные» типы социализма, и эти варианты будут существовать довольно продолжительный период. Процесс сращения различных составных частей мировой пролетарской диктатуры, союзов советских республик, которые превратятся в одно социалистическое мировое хозяйство, будет довольно длительным. Эти различные качества, различные варианты строящегося социализма не являются чем-то второстепенным. Но это не значит, что мы в других странах будем иметь совершенно отличный от нашего метод строительства социализма. Товарищи, полемизировавшие со мной, не отрицали того, что известное сохранение рыночных отношений будет необходимо во всех других странах. Но ведь рыночные отношения — это самый существенный момент в политике нэпа. Если рыночные отношения налицо, значит у нас есть «новая экономическая политика». Другой вопрос, как долго будет длиться этот период, как долго нужно будет преодолевать эти рыночные отношения. Этапы этого пути и длительность соответ-

ствующего периода в разных странах будут различны. Но с точки зрения наших споров о необходимости, об универсальности нэпа это не принципиальные различия. Так, на мой взгляд, обстоит дело с вопросом о нэпе.

В программной комиссии мы все согласились с замечанием, которое было сделано рядом товарищей по поводу крестьянского вопроса, по поводу национального вопроса, как отдельной и особой проблемы, которую не следует смешивать с общей постановкой колониального вопроса. Об этом мы больше говорить не будем. Вот основные вопросы, обсуждавшиеся нами в программной комиссии.

Я, конечно, отнюдь не исчерпал всей дискуссии в программной комиссии. Я коснулся только наиболее теоретически сложных и теоретически важных вопросов, но совершенно не остановился на целом ряде тактических, стратегических вопросов, которые с точки зрения нашей практики имеют крупнейшее значение, но не особенно сложны в теоретическом отношении. Все это, я полагаю, возможно еще раз проработать в специальной комиссии. Пленум нашей программной комиссии постановил не организовывать никаких подкомиссий, а создать узкую комиссию для конкретной проработки поправок к программе. По окончании своей работы узкая редакционная комиссия доложит пленуму конгресса выработанный комиссией текст в окончательном виде. Теперь я предлагаю, чтобы конгресс принял наш проект программы за основу.

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы еще не закончили нашей работы по программе, мы лишь довели до конца генеральную дискуссию. Перед нами еще довольно трудная задача — внести в проект ряд конкретных поправок и улучшений. Это будет очень большая и трудная работа. Но генеральная дискуссия показала, что проект программы не встречает в основном никаких серьезных возражений, поэтому я просил бы принять за основу проект программы.

В данный период, когда социал-демократия уверяет, что наша программа есть будто бы «программа войны и раскола пролетариата», когда она снова и снова пытается обмануть рабочие массы, представляя себя, как силу, борющуюся, якобы, против войны, мы должны понести нашу программу в пролетарские массы, которые снова и снова увидят, что наша программа есть программа об'единения всех пролетарских сил, программа об'единения промышленного пролетариата метрополий и угнетенных народов колоний и полуколоний. Мировой пролетариат увидит, что наша программа есть наилучший водитель в беззаветной борьбе коммунистов против империалистических войн, что наша программа есть действительно программа мировой революции, программа мировой диктатуры пролетариата. (Бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

СОДЕРЖАНИЕ.

ДОКЛАД.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

25 коп.

